В. М. ИСТРИНЪ.

ОПЫТЪ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАГО ВВЕДЕНІЯ
ВЪ
ИСТОРІЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIX вѣка.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

В. М. ИСТРИНЪ.

ОПЫТЪ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАГО ВВЕДЕНІЯ
ВЪ
ИСТОРІЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIX вѣка.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1907 годъ.

ГЛАВА I.

При первомъ взглядѣ на заглавіе настоящей статьи у читателя тотчасъ же можетъ возникнуть нѣсколько вопросовъ, требующихъ предварительнаго разъясненія. На первый взглядъ здѣсь какъ будто нѣтъ ничего неяснаго: „методологическое введеніе“, разумѣется, есть изложеніе методовъ извѣстной науки т. е., указаніе способовъ, какъ наука разрабатывается, чѣмъ одна наука отдѣляется отъ другихъ смежныхъ, какія отдѣльныя дисциплины входятъ въ ея составъ и т. п. Правда, можно и не отдѣлять методовъ науки отъ самой науки. Наука существуетъ лишь тогда, когда выработаны извѣстные методы и установлены извѣстные законы. Поэтому, изложеніе самой науки есть въ то же время и изложеніе ея методовъ. Однако, для большаго удобства методологію науки принято обыкновенно отдѣлять отъ самой науки; при такомъ отдѣленіи избѣгается смѣшеніе двухъ цѣлей и достигается бо̀льшая ясность и опредѣленность при достиженіи той и другой: при изложеніи самой науки концы ученой работы могутъ быть скрыты, и черновая работа, въ результатѣ которой явилось то или иное научное положеніе, остается недоступной для разсмотрѣнія.

Если мы представимъ себѣ дѣло такъ, какъ оно сейчасъ мною изложено, то методологія, какъ введеніе въ исторію русской литературы XIX вѣка, становится очень понятной: подъ этимъ именемъ должно бы пониматься изложеніе и разъясненіе тѣхъ способовъ, которыми пользуется наука исторіи литературы, и тѣхъ требованій, которыя она ставитъ изслѣдователю указанной отрасли. Здѣсь напр. должно бы указать, какой матеріалъ находится въ рукахъ изслѣдователя, чѣмъ этотъ матеріалъ отличается отъ матеріала другихъ наукъ, въ чемъ состоитъ напр. критика текста литературныхъ произведеній, какъ постепенно, съ одной стороны, все болѣе и болѣе расширялся

научный кругозоръ привлеченіемъ все новыхъ и новыхъ сродныхъ дисциплинъ и какъ, съ другой стороны, все болѣе и болѣе суживался объемъ спеціальнаго изслѣдованія. Однимъ словомъ, въ данномъ случаѣ пришлось бы заглянуть въ лабораторію науки и познакомиться съ черновой работой въ отведенной намъ области.

Это есть одно изъ обычныхъ понятій о методологической сторонѣ каждой науки. Но мы можемъ сами произвольно или суживать, или расширять понятіе метода науки, или даже нѣсколько его видоизмѣнять. Въ зависимости отъ степени измѣненія могутъ быть представлены возраженія, въ томъ напр. духѣ, что тогда затемняется обычное понятіе метода, а потому лучше не употреблять послѣдняго названія. Противъ этого, пожалуй, можно и не спорить, но мы должны имѣть въ виду, что намъ всегда важно не обозначеніе тѣмъ или инымъ терминомъ извѣстнаго научнаго отдѣла, а его сущность; поэтому, можно спокойно оставить старый терминъ, хотя бы его содержаніе и не подходило къ новой части, если только возможно будетъ установить, что̀ будетъ подразумѣваться подъ новымъ терминомъ. Въ данномъ случаѣ я воспользовался старымъ обычнымъ терминомъ „методологическое введеніе“ просто изъ-за нѣкоторыхъ удобствъ, хотя напередъ и долженъ сказать, что въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду не то „методологическое введеніе“, о которомъ я говорилъ сейчасъ, но другое, въ дѣйствительности расширенное и видоизмѣненное, такое, которое въ сущности должно бы быть названо „методологическимъ введеніемъ въ *высшій курсъ* исторіи литературы“, если бы таковые курсы, на манеръ математическихъ наукъ, существовали въ наукахъ историко-филологическихъ.

Итакъ, что̀ же я имѣю въ виду, выставляя „общее методологическое введеніе“? Послѣднее будетъ болѣе понятно, если предварительно хотя бы въ краткихъ чертахъ разсмотрѣть весь ходъ развитія нашей науки. Наша наука существуетъ менѣе, чѣмъ одно столѣтіе: XIX вѣкъ есть собственно вѣкъ науки вообще, а потому и исторіи русской литературы, какъ науки. Когда на границѣ первой и второй четверти XIX вѣка начали обозначаться первыя попытки научнаго изложенія исторіи русской литературы, то послѣдняя въ силу естественнаго положенія вещей скоро раздѣлилась на двѣ неравныя части—на древнюю и новую, причемъ новая тогда охватывала лишь одинъ XVIII вѣкъ. Различныя обстоятельства были причиной того, что на первыхъ порахъ всѣ силы изслѣдователей устремились на разработку литературы древней, до-петровской. Здѣсь не мѣсто остана-

вливаться на изложеніи этихъ причинъ, но можно указать, что помимо романтизма и патріотическаго воодушевленія, побуждавшихъ ученыхъ пускаться въ область отдаленной исторіи,—помимо этого, такое предпочтеніе разработки литературы до-петровскаго періода вызывалось и самымъ положеніемъ дѣла. Современная литература, которая только что еще начиналась, уже въ силу этого самаго обстоятельства, не могла служить объектомъ науки, какъ не можетъ быть такимъ объектомъ науки и наша теперешняя современная литература: она подлежала вѣдѣнію критики, которая сама еще только пыталась установить болѣе или менѣе опредѣленныя требованія. Историческая наука имѣетъ дѣло съ прошедшимъ, съ исторіей, а не съ настоящимъ, XVIII же вѣкъ и тогдашней критикой и наукой считался вѣкомъ, совершенно пропащимъ для развитія русской литературы. Оставалась, слѣдовательно, одна древность. Ее и стали изучать. Какимъ же способомъ можно было въ то время изучать до-петровскую литературу? Разумѣется тѣмъ, который опредѣлялся самымъ матеріаломъ. Матеріалъ же только что сталъ обнаруживаться. До сихъ поръ онъ лежалъ въ полной неизвѣстности въ различныхъ книгохранилищахъ, въ монастырскихъ библіотекахъ, въ собраніяхъ частныхъ лицъ. Но въ первой четверти XIX вѣка образовывается, съ одной стороны, рядъ ученыхъ обществъ, ставящихъ своею цѣлью знакомиться съ богатствомъ древней Руси и снаряжающихъ цѣлыя экспедиціи для отысканія и приведенія въ извѣстность историко-литературнаго матеріала. Съ другой стороны, отдѣльныя лица тщательно разбираютъ и прилагаютъ свои силы уже къ разработкѣ найденныхъ памятниковъ. Положеніе дѣла было таково, что извлеченіе каждаго памятника изъ груды хранившагося стараго матеріала было своего рода открытіемъ. Въ различныхъ ученыхъ работахъ того времени мы постоянно встрѣчаемъ указанія на открытіе того или другого произведенія древней Руси, хотя это открытіе состояло иногда только въ томъ, что раскрывалась первая попавшаяся рукопись и о ней доводилось до свѣдѣнія публики. Такъ какъ вся разслѣдуемая область была до сихъ поръ совершенно неизвѣстна, то матеріалъ подавлялъ изслѣдователей. Съ другой стороны, наука исторіи литературы только лишь начинала свое существованіе, и не было еще выработано ни какихъ-либо опредѣленныхъ взглядовъ на состояніе русскаго просвѣщенія и литературы въ до-петровское время ни какихъ-либо опредѣленныхъ методологическихъ требованій, какія должны предъявляться къ каждой научной работѣ. Вслѣдствіе этого, каждому изслѣдователю

приходилось самому прокладывать дорогу и идти, такъ сказать, ощупью. Конечно, мы не будемъ разсматривать тогдашнія научныя работы съ точки зрѣнія современныхъ требованій, но мы можемъ замѣтить ту особенность, что научныя работы наиболѣе выдающихся раннихъ изслѣдователей чужды широкихъ обобщеній. Изслѣдователи изучали тотъ или другой памятникъ сообразно тогдашнимъ научнымъ даннымъ и яркихъ картинъ прошлаго не рисовали.

Скоро, однако, дѣло должно было измѣниться. Явилась потребность нѣсколько шире взглянуть на положеніе русской литературы. У насъ въ Россіи оказалось нѣсколько причинъ, которыя вызывали ученыхъ изслѣдователей къ такой постановкѣ. Однѣ причины коренились въ новыхъ западныхъ вѣяніяхъ, пришедшихъ и къ намъ и захватившихъ умы современниковъ, другія являлись своими, самобытными, выросшими, такъ сказать, на родной почвѣ. Уже Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности, благодаря сочиненіямъ Гоголя, былъ приведенъ къ заключенію, что у насъ литература существуетъ и что послѣдняя явилась не сама собой, а вытекла изъ всей предшествующей. Правда, Бѣлинскій не восходилъ далѣе Ломоносова, но отъ признанія связи современной литературы съ литературой хотя бы всего XVIII вѣка уже недалеко до признанія такой же связи послѣдней съ предшествующей т. е., съ литературой до-петровскаго періода. А разъ мы будемъ говорить о такой связи, то тѣмъ самымъ будемъ стремиться и къ обобщеніямъ. Бѣлинскій не исполнилъ своего обѣщанія написать исторію до-петровской литературы, или, какъ онъ ее называлъ, письменности, но обѣщаніе это въ устахъ такого представителя эстетическаго направленія, каковъ былъ Бѣлинскій, очень характерно. Оно показывало, что и завзятые эстетики почувствовали всю недостаточность того направленія, которое они проводили, и увидѣли необходимость расширить поле своего изученія.

Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ было общественно-философское направленіе, выросшее на почвѣ романтизма, патріотическаго возбужденія и гегельянства, то направленіе, которое извѣстно у насъ подъ именемъ славянофильства и западничества. То и другое должно было оказать большое вліяніе на разработку исторіи литературы.

Я не буду останавливаться здѣсь на изложеніи теоріи славянофильства, такъ сильно вліявшаго на разработку русской литературы, и коснусь лишь важнѣйшихъ положеній. Славянофильское ученіе, основывающееся на гегельянскомъ воззрѣніи на избранныя націи, долженствующія знаменовать собой синтезъ идей, полагало, что та-

кой націей, которая должна сказать новое слово и спасти Европу, должна быть Россія. Дѣйствительность предоставляла въ распоряженіе исповѣдовавшихъ теорію Гегеля достаточно данныхъ для полной вѣры въ спасительную роль Россіи. И западники и славянофилы были людьми, одинаково любившими свою родину и вѣровавшими въ ея спасительную миссію, но славянофилы, въ противоположность западникамъ, исходили изъ предвзятой мысли, что вся русская исторія есть раскрытіе и развитіе тѣхъ идей, которыя и должны спасти Европу отъ ея современнаго гніенія и которыя совпадаютъ съ идеями гуманности, проповѣдуемыми лучшими людьми Европы, но не имѣющими возможности до сихъ поръ быть осуществленными. Въ силу своего предвзятаго взгляда, вынесеннаго изъ трехъ указанныхъ выше факторовъ, славянофиламъ необходимо было обратиться къ изученію русской жизни, прошлой и настоящей. Они такъ и сдѣлали. Но дедуктивное построеніе русской исторіи и стремленіе оправдать его заставляло иногда перескакивать черезъ тотъ матеріалъ, который былъ въ рукахъ изслѣдователей, и строить общія положенія раньше, нежели матеріалъ давалъ право это дѣлать. Въ то же время недостаточное развитіе различныхъ филологическихъ дисциплинъ еще не оказывало сдерживающаго вліянія на построеніе обобщеній, и потому изслѣдователи не боялись по немногимъ фактамъ дѣлать широкія характеристики—и отдѣльныхъ писателей, и отдѣльныхъ эпохъ, и отдѣльныхъ направленій. Та осторожность, которая явилась у изслѣдователей впослѣдствіи, не только была непонятной, но просто-напросто и не существовала.

Не должно, однако, думать, что въ результатѣ указанныхъ условій явилось нѣсколько работъ по исторіи русской литературы, которая строилась бы на широкихъ основаніяхъ. Мы имѣемъ въ сущности одну попытку оглядѣть однимъ взоромъ всю до-петровскую литературу, это — публичныя лекціи Шевырева, читанныя имъ въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ. Попытка Шевырева не могла считаться удавшейся, такъ какъ еще недостаточно были разработаны матеріалы. Но въ своихъ отдѣльныхъ главахъ она представляетъ примѣръ того, какъ ученые, увлеченные своими теоретическими взглядами, въ каждомъ памятникѣ старались видѣть то, что подсказывала имъ теорія. Тѣ затрудненія, которыя обнаружились впослѣдствіи, имъ не представлялись еще, такъ какъ научная критика не успѣла еще выставить рядъ возраженій, основанныхъ впослѣдствіи на развитіи вспомогательныхъ дисциплинъ. Къ исторіи литературы Шевырева примы-

каетъ рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, въ которыхъ также можно замѣтить стремленіе къ обобщающимъ положеніямъ. Эти обобщенія или схематическія построенія, конечно, имѣли право на существованіе даже уже потому, что такое свойство всегда было и будетъ присуще уму человѣческому, и исторія всякой науки особенно останавливается на такихъ работахъ, которыя вносятъ вмѣстѣ съ анализомъ и синтезъ. Все дѣло заключается лишь въ томъ, чтобы общія положенія были построены на точныхъ данныхъ. Понятно, что отъ наукъ гуманитарныхъ нельзя требовать той точности, которая предъявляется къ наукамъ естественнымъ, но во всякомъ случаѣ желательно и тутъ слѣдовать методу естественныхъ наукъ, которыя вообще оказали сильное вліяніе на методологію наукъ историческихъ. Въ половинѣ XIX столѣтія ученые изслѣдователи еще не были научены горькимъ опытомъ, научныя данныя были еще не таковы, чтобы изслѣдователь останавливался надъ вопросомъ, провѣренъ ли тотъ матеріалъ, надъ которымъ онъ оперируетъ и который даетъ ему основаніе высказывать общія сужденія. Поэтому, мы видимъ, что научныя работы того времени отличаются широтой мысли и построенія, что̀, повидимому, ставитъ ихъ гораздо выше работъ послѣдующаго періода. Однако, послѣдующая научная критика, далеко не всегда соглашалась съ той широтой разрѣшенія того или другого вопроса, какая поражаетъ современнаго читателя въ старыхъ научныхъ трудахъ.

Вслѣдъ за періодомъ схематическихъ построеній и широкихъ обобщеній по естественной реакціи наступилъ періодъ какъ бы боязни того и другого. Причина заключалась въ томъ, что научная критика мало-по-малу стала указывать несовершенство прежнихъ построеній и стала предъявлять изслѣдователю совершенно иныя, новыя требованія. Со второй половины прошлаго столѣтія стала выдвигаться спеціализація наукъ, народились или развились новыя дисциплины, которыя оказалось необходимымъ привлекать къ изслѣдованію того или другого историко-литературнаго вопроса, и вотъ въ результатѣ новаго положенія вещей стали являться отдѣльныя монографіи, ставящія какой-либо опредѣленный вопросъ и рѣшающія его самъ по себѣ, безъ приложенія его къ какой-либо теоріи. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что научная критика, сама уже покоящаяся на разработкѣ спеціальныхъ дисциплинъ, стала воочію доказывать, насколько шатки были иныя положенія стараго времени. Это можно видѣть на одномъ-двухъ примѣрахъ. Прежнему изслѣдователю достаточно было встрѣтить въ какомъ-либо памятникѣ, по-

ложимъ—XII вѣка, ссылку на Гомера, какъ онъ уже съ восторгомъ заключалъ: „Такъ вотъ уже когда наши предки читали Гомера, такъ вотъ какая уже была тогда у насъ образованность“! Послѣдующая критика ставила вопросъ, что̀ разумѣется здѣсь подъ Гомеромъ — Иліада ли и Одиссея его, или только лишь одно имя съ небольшими изреченіями, которыя, какъ указывала та же критика, были извѣстны давно въ переводѣ съ греческаго языка, изреченіями, которыя собственно не имѣли ничего общаго ни съ Иліадой ни съ Одиссеей. Она ставила этотъ вопросъ и рѣшала его въ послѣднемъ направленіи. Или, напримѣръ, прежнему изслѣдователю ничего не стоило на основаніи какого-либо одного памятника строить теорію о цѣломъ міровоззрѣніи русскаго человѣка, но новая критика въ такихъ случаяхъ ставила вопросъ, не будетъ ли этотъ памятникъ переводнымъ, и часто приходила къ положительному отвѣту, а изъ этого отвѣта вытекало уже то заключеніе, что основываться на такомъ переводномъ памятникѣ въ сужденіяхъ о творчествѣ русскаго человѣка можно только съ большими оговорками. Подъ вліяніемъ такихъ очевидныхъ случаевъ стала рушиться вѣра въ возможность широкихъ построеній, а постепенное развитіе науки въ направленіи къ спеціализаціи приводило къ убѣжденію, что, прежде чѣмъ давать схему или высказывать мысли общаго характера, необходимо предварительно продѣлать обширную подготовительную работу. Мало-по-малу и подъ вліяніемъ очевидности и подъ воздѣйствіемъ западной науки завоевываетъ и у насъ выдающееся мѣсто такъ называемый филологическій методъ. Работы, построенныя по этому методу, носятъ уже спеціальный характеръ, въ родѣ, напримѣръ, опредѣленія языка памятника, опредѣленія наличнаго состава списковъ памятника и его редакцій и т. п., т. е. продѣлывается вся та работа, которая собственно для „историка литературы“ должна являться работой черновой. Разумѣется, у талантливыхъ изслѣдователей анализъ шелъ параллельно съ синтезомъ, но и у нихъ послѣдній не выступалъ вполнѣ ясно, а представлялся какъ бы находящимся въ головѣ ученаго и для непосвященнаго во всѣ детали читателя какъ бы несуществующимъ. Наука исторіи литературы распалась на нѣсколько спеціальныхъ дисциплинъ, каждая изъ послѣднихъ выставила свои спеціальныя требованія и довольно точно обозначила тѣ предѣлы, за которые не долженъ переступать изслѣдователь, если желаетъ, чтобы его работа привела къ осязательнымъ результатамъ. Въ результатѣ всего этого явилось множество монографій, посвященныхъ разработкѣ отдѣльныхъ литератур-

ныхъ произведеній, и за этими монографіями стала исчезать широта взглядовъ прошлыхъ десятилѣтій. Въ этомъ была и хорошая и дурная сторона. Хорошая заключалась въ томъ, что вырабатывались точные методы изслѣдованія, сами изслѣдователи пріучались къ осторожности, къ построенію своихъ выводовъ только на точныхъ и со всѣхъ сторонъ обслѣдованныхъ данныхъ. Работы спеціально-филологическаго характера по большей части давали выводы очень незначительные, но зато сравнительно твердые, на которыхъ послѣдующіе изслѣдователи могли полагаться уже съ большимъ спокойствіемъ и довѣріемъ. Отрицательная же сторона заключалась въ томъ, что изслѣдователи пріучались, такъ сказать, изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса; они пріучались видѣть „исторію литературы" тамъ, гдѣ ея не было, и все дальше и дальше отходили отъ настоящаго представленія объ исторіи литературы. Въ результатѣ отъ чтенія такихъ изслѣдованій въ совокупности получалось такое впечатлѣніе, что вся наша литература до-петровскаго времени, а по мнѣнію нѣкоторыхъ и далѣе, состоитъ изъ разрозненныхъ памятниковъ, являвшихся случайно, что русская литература до послѣдняго времени не имѣетъ ничего идейнаго и не можетъ разсматриваться, какъ сумма извѣстныхъ направленій.

Говоря такъ, я не хочу высказать осужденіе филологическому направленію разработки исторіи литературы, направленію, господствующему и въ настоящее время. Напротивъ, я признаю, что это направленіе—единственное, которое можетъ дать цѣнные результаты. А всякій начинающій ученый обязательно долженъ начинать съ усвоенія филологическаго метода и съ попытки самостоятельнаго приложенія его къ разработкѣ произведеній литературы. Я указываю только на то, что господство одного направленія въ ущербъ наукѣ естественно вызывало реакцію въ другую сторону; но, какъ это всюду бываетъ, увлеченіе оказалось и здѣсь въ ущербъ другимъ, также существеннымъ задачамъ.

На основаніи отдѣльныхъ монографій явилось нѣсколько „Исторій русской литературы", большею частію доводившихъ свое изложеніе до 40-хъ годовъ. Каждая такая „Исторія литературы" отражала, разумѣется, личность авторовъ, ихъ образованіе, ихъ общественные и политическіе взгляды. Оставляя все это въ сторонѣ, мы можемъ, однако, сказать, что всѣ онѣ сходятся между собой въ одномъ — въ отсутствіи какого-либо общаго направляющаго взгляда на все теченіе русской литературы. Конечно, и это надо понимать въ томъ смыслѣ, что

такія „Исторіи литературы“ представляютъ собой простыя компиляціи. Отражая всякій разъ научное направленіе автора, каждая такая Исторія литературы имѣетъ свою опредѣленную физіономію. Интересъ автора къ той или другой сторонѣ историческаго хода русской литературы вполнѣ ясенъ въ каждой книгѣ. Но разъ онѣ построены на спеціальныхъ изслѣдованіяхъ различныхъ областей исторіи литературы, не гнавшихся за широкими обобщеніями, то онѣ и сами не могли задаваться такими планами. Ихъ задача была очень опредѣленна: свести воедино тѣ данныя, до которыхъ дошла наука въ лицѣ многочисленныхъ изслѣдователей, а способъ сведенія зависѣлъ уже отъ индивидуальности каждаго историка. Каждому изъ нихъ приходилось считаться съ тѣми трудностями, какія представляетъ собой положеніе исторіи русской литературы, какъ науки, и каждый выходилъ изъ этого затрудненія сообразно своимъ способностямъ и вкусамъ. Однѣ изъ такихъ Исторій литературы болѣе научны, но уже устарѣли, другія— болѣе общедоступны, но менѣе научны, но всѣ онѣ даютъ намъ и изложеніе памятниковъ и писателей, стараясь по возможности поставить то и другое въ историческую обстановку. Но повторяю, если бы послѣ прочтенія каждой изъ такихъ Исторій литературы мы задали себѣ вопросъ, какія же существуютъ основныя черты русской литературы и можно ли ихъ усмотрѣть въ ея исторіи, то на этотъ вопросъ ни одна изъ Исторій литературы не дала бы намъ отвѣта.

Такое положеніе исторіи русской литературы, какъ науки, начавшееся подъ вліяніемъ очевидной несостоятельности прежняго направленія, продолжается и до сихъ поръ. И въ послѣднее время постоянно выходятъ въ свѣтъ отдѣльныя монографіи, посвященныя тому или другому вопросу по исторіи русской литературы и рѣшающія его въ стилѣ строго-филологическихъ требованій. Въ развитіи и появленіи такого рода научныхъ работъ лежитъ залогъ будущаго болѣе точнаго и болѣе научнаго построенія исторіи русской литературы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываются уже и новыя требованія. Эти требованія не являются собственно новыми; они переносятъ насъ въ эпоху 40-хъ, 50-хъ и даже 60-хъ годовъ и сводятся снова къ отысканію общей схемы развитія русской литературы. Требованія эти вызываются самимъ положеніемъ вещей въ настоящее время. Прежде всего, причина лежитъ уже въ самомъ свойствѣ человѣческаго ума, который не довольствуется разрозненными наблюденіями, но стремится свести отдѣльныя явленія въ систему и выяснить существованіе извѣстныхъ законовъ, управляющихъ жизнью отдѣльныхъ этихъ явленій. Но

кромѣ этого, самъ накопившійся матеріалъ вызывалъ уже на попытки осмыслить разрозненныя явленія. Понятно, что дѣло должно ограничиваться на первыхъ порахъ однѣми попытками. Историки литературы давно еще сказали, что писать цѣльную исторію русской литературы преждевременно, и это положеніе повторяется и теперь. Но накопившійся матеріалъ самъ собой наталкивалъ на попытки дать ту или другую картину общаго характера изъ исторіи литературы. Стали раздаваться голоса, что, если и невозможно еще нарисовать вполнѣ достовѣрную картину исторіи русской литературы во всѣхъ ея деталяхъ, то отдѣльныя ея части могутъ быть обведены красками не безъ успѣха. Конечно, все это сводилось къ тому, что стали появляться рядомъ съ спеціальными монографіями и указанія на возможность построенія схемы развитія литературы, причемъ, въ противоположность старому доброму времени, такія построенія опирались уже не на философское міровоззрѣніе, заранѣе установленное, но на фактическій матеріалъ, приведенный въ извѣстность. Хотя и тутъ остается еще достаточно простора для гипотезъ, однако, можно сказать, что вѣкъ дедукціи уступилъ уже свое мѣсто періоду индукціи.

Это одна сторона дѣла. Но есть и другая, не менѣе важная. До сихъ поръ я говорилъ все объ исторіи литературы древняго, до-петровскаго періода и указывалъ, что она изучалась то какъ источникъ тѣхъ началъ, на которыхъ должно строить русскую жизнь, то какъ нѣчто самостоятельное, но такое, что имѣло свою исторію, по мнѣнію однихъ, болѣе ясную, по мнѣнію другихъ—менѣе, но во всякомъ случаѣ,—исторію. Но вторая половина XIX вѣка видѣла расцвѣтъ оригинальной русской литературы, вступившей въ ряды литературъ западно-европейскихъ на одинаковыхъ правахъ съ послѣдними. Въ какомъ положеніи находится научная разработка этого періода литературы, который только собственно и можетъ называться русской литературой? Конечно, здѣсь идетъ рѣчь уже только о такой литературѣ, которую принято называть литературой изящной. Современная литература и очень близкая къ ней не поддается научному изученію съ точки зрѣнія исторической перспективы. Исторія имѣетъ дѣло, само собой разумѣется, съ прошедшимъ, когда на первый планъ выступаетъ объективность. Ближайшее же къ намъ время не можетъ быть объектомъ науки по той простой причинѣ, что даетъ слишкомъ много простора для проявленія субъективности. Поэтому, современная и ближайшая къ намъ литература являются обыкновенно достояніемъ критики и публицистики, что видно хотя бы изъ того

внѣшняго факта, что до сихъ поръ нѣтъ „Исторіи русской литературы второй половины XIX вѣка“, если не считать такой, какъ книга Скабичевскаго, которая въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть названа Исторіей литературы. Разумѣется, трудно указать хронологическій предѣлъ, до котораго доходитъ наука и отъ котораго начинается критика и публицистика. Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что наша наука кончается Пушкинымъ и Гоголемъ, а что̀ послѣ нихъ, то не изучено. Но если мы нѣсколько и подвинемся впередъ, захвативъ и 40-е и 50-е и 60-е годы, то дальше этого идти будетъ, дѣйствительно, опасно. Множество матеріала еще не изучено, и нарисовать картину настроенія общества въ ближайшее къ намъ время затруднительно. Какъ бы то ни было, мы должны считаться съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣтъ научно обработанной Исторіи литературы такъ называемой „новѣйшей“. Но если нѣтъ книгъ по исторіи новѣйшей литературы, то вѣдь сама-то литература существуетъ, и мы не можемъ отказаться отъ мысли ее изучать. Изученіе ея можетъ не имѣть той цѣльности, которая имѣетъ мѣсто при изученіи литературы достаточно прошедшаго времени, но вопросы могутъ задаваться тѣ же, что и при изученіи послѣдней; только, быть можетъ, они будутъ рѣшаться болѣе односторонне и болѣе субъективно.

Итакъ, мы не будемъ гоняться за историческимъ изученіемъ „новѣйшей“ русской литературы и согласимся напередъ, что мы имѣемъ дѣло съ критикой. Послѣдняя въ данномъ случаѣ оказывала вліяніе на ту постановку изученія русской литературы вообще, которая обрисовывалась выше. Различіе между историческимъ изученіемъ и критикой, прежде всего, хронологическое: сначала критика, а потомъ уже исторія. Критика ставитъ своей цѣлью разъяснить, что сказалъ тотъ или другой авторъ въ своемъ произведеніи, разъяснить смыслъ произведенія независимо отъ пространства и времени. Она не занимается разслѣдованіемъ того внутренняго процесса, который происходилъ въ душѣ художника, когда онъ создавалъ свое произведеніе: это ей недоступно; но она беретъ произведеніе само по себѣ, какъ готовое явленіе, и объясняетъ собственно то впечатлѣніе, которое получается у читателя при чтеніи того или другого произведенія. Когда же проходитъ время, и наступаетъ возможность суда со стороны исторіи, то послѣдняя задаетъ уже другого рода вопросы, въ родѣ того, почему такъ сказалъ авторъ, а не иначе, что заимствовалъ онъ у другихъ и что принадлежитъ ему самому и т. п. Исторія будетъ считаться и съ критикой, привлекая и ее къ объясненію воз-

никновенія литературнаго произведенія, и изъ сопоставленія того и другого постарается вывести заключеніе, насколько авторъ подходилъ подъ уровень современнаго общества или насколько онъ опередилъ его. Все это связываетъ критику съ исторической наукой. Но пока послѣдняя не вступила въ свои права, мы имѣемъ дѣло только съ критикой. Къ чему же она насъ побуждаетъ?

Критика существуетъ уже давно и сама переживала тѣ же направленія, какія переживала и разбираемая ею литература. Въ періодъ литературы романтической и критика строилась на кодексѣ романтизма; въ періодъ славянофильства и критика развивалась въ томъ же направленіи; нѣсколько позднѣе критика принимаетъ общественный характеръ и т. д. Во всѣ періоды постоянно происходило взаимодѣйствіе литературы и критики; послѣдняя, съ одной стороны, ставила литературѣ извѣстныя требованія; съ другой—разбирая литературныя произведенія, она сама выводила на основаніи послѣднихъ свои заключенія. Но намъ въ данномъ случаѣ важно то, что критика устанавливала тѣ основныя черты, которыя являются характерными для того или другого писателя или даже для группы писателей. Иностранная критика въ этомъ случаѣ оказывала немаловажную услугу критикѣ русской. Западнаго человѣка поражали тѣ черты въ русской литературѣ, которыхъ онъ не видѣлъ въ литературѣ своей, и онъ стремился выяснить ихъ. И русской и иностранной критикѣ не было дѣла до исторической стороны, до вопроса о томъ, насколько русское общество, а вмѣстѣ съ нимъ и литература эволюціонируютъ. Та и другая старались выяснить лишь основныя положенія и принимали ихъ за совершившійся фактъ. Сумѣла ли критика опредѣлить сущность русской литературы—это вопросъ другой. Но если она еще не дошла до конечныхъ результатовъ, и мы видимъ, что и въ наше время являются попытки вновь подвергнуть анализу недавнее прошлое нашей литературы, а тѣмъ болѣе настоящее, мы должны, однако, признать, что нѣкоторыя черты характера русской литературы устанавливались. Мы не имѣемъ еще обзора критическихъ выводовъ о характерѣ новой русской литературы во всемъ ея объемѣ, но изъ отдѣльныхъ наблюденій можно дѣлать нѣкоторыя заключенія болѣе общаго характера. Понятно, что критика никогда не задавалась цѣлью привести все разнообразіе русской литературы къ одному какому-либо господствующему направленію: это было бы слишкомъ искусственно; но она устанавливала нѣсколько пунктовъ сближенія между собой различныхъ писателей.

Возвращаюсь теперь къ сказанному раньше. Мы видимъ, что въ послѣднее время приходится имѣть дѣло съ двумя фактами, во-первыхъ, съ достаточной сравнительно разработкой исторіи русской литературы, разработкой, которая уже позволяетъ, на основаніи научныхъ данныхъ, устанавливать тѣ или другія положенія, давать тѣ или другія характеристики и отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлыхъ эпохъ отдаленной отъ насъ древности; во-вторыхъ, мы имѣемъ дѣло съ выясненными со стороны критики характеристическими особенностями „новѣйшей" русской литературы. Знакомясь съ тѣмъ и другимъ фактомъ, и ученый изслѣдователь и обыкновенный читатель не могутъ не остановиться надъ вопросомъ, гдѣ же будутъ и будутъ ли точки соприкосновенія между исторической наукой и критикой, съ одной стороны, и между отошедшей въ древность русской литературой и современной, съ другой. Вопросъ этотъ долженъ ставиться, и онъ дѣйствительно ставится.

Итакъ, мы видимъ, какъ волнообразно идетъ разработка исторіи русской литературы: широта постановки чередуется съ господствомъ узкой спеціализаціи, и только лишь въ послѣднее время инстинктивно чувствуется возможность соединить то и другое вмѣстѣ, или, точнѣе сказать,—воспользоваться плодами предшествующихъ спеціальныхъ работъ для новой широкой постановки вопроса. Я настаиваю на томъ, что эта возможность только лишь инстинктивно чувствуется, но въ исполненіе приводится болѣе намеками или отрывочными замѣчаніями. Выполнить эту задачу значитъ дать высшій синтезъ исторіи русской литературы. Выполненіе этого принадлежитъ, конечно, будущему. Время отъ времени будутъ дѣлаться въ этомъ направленіи попытки, и, конечно, только лишь послѣ цѣлаго ряда усилій со стороны многихъ ученыхъ можно разсчитывать на вполнѣ вѣрные результаты.

Теперь, возвращаясь къ методологической сторонѣ, я считаю нужнымъ указать, что подъ этой стороной въ данный моментъ я разумѣю тѣ техническіе пріемы, которыми должно пользоваться, если мы желаемъ сдѣлать попытку осмыслить все теченіе русской литературы. Но это есть методологія, такъ сказать, высшаго порядка, въ противоположность той методологіи, которую я назвалъ бы методологіей порядка низшаго, методологіей учебной. Послѣдняя методологія учитъ обыкновенно, какъ приступать къ изслѣдованію отдѣльнаго памятника, отдѣльнаго писателя; она ставитъ извѣстные вопросы учебнаго характера и знакомитъ съ техническими пріемами спеціальнаго изслѣ-

дованія; однимъ словомъ, методологія низшаго порядка есть то же, что лабораторія въ сферѣ изученія естественныхъ наукъ, гдѣ обучаются начинающіе и гдѣ показываются элементарные пріемы, въ родѣ того, какъ, напримѣръ, должно обращаться хотя бы со спиртомъ; такъ въ нашихъ наукахъ такого же рода методологія учитъ, напримѣръ, какъ прочитать рукопись XIV столѣтія, если нѣсколько строкъ случайно отъ времени поистерлось.

Иначе обстоитъ дѣло съ той методологіей, которую я назвалъ бы методологіей высшаго порядка. Здѣсь приходится уже пользоваться, какъ результатами, всѣми тѣми данными, которыя добыты именно по указанію учебной методологіи. Это является какъ бы методологіей синтеза, методологіей схематическихъ построеній.

Не надо, однако, обольщаться насчетъ широкой и нѣсколько громкой постановки предмета. Я повторяю, что въ настоящее время дѣлаются только лишь первыя попытки къ такого рода построеніямъ. При стремленіи связать настоящее съ прошедшимъ, мы опираемся, конечно, на результаты научныхъ изслѣдованій въ отдѣльныхъ областяхъ литературы, и здѣсь всегда должны имѣть въ виду, что во всѣхъ областяхъ существуютъ пробѣлы: либо матеріалъ еще совершенно неизвѣстенъ, либо извѣстенъ, да не разработанъ,—и это относится и къ древней и къ новой и къ новѣйшей литературамъ. При такихъ условіяхъ часто приходится пользоваться тѣмъ или другимъ матеріаломъ съ большой осторожностью, прибѣгая къ догадкамъ. Но это не должно смущать насъ. Всякій, кто имѣетъ дѣло съ историческими науками, хорошо знаетъ, что онъ находится въ зависимости отъ наличнаго матеріала, и потому не слѣдуетъ смущаться, если въ разработкѣ послѣдняго встрѣчаются пробѣлы. Важно лишь то, чтобы ходъ развитія извѣстнаго положенія былъ выдержанъ съ логической стороны. Съ перваго взгляда покажется парадоксомъ, если скажемъ, что правильное съ логической стороны разсужденіе можетъ быть опровергнуто новыми данными дѣйствительности. Но это такъ, и причина лежитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло всегда съ индукціей, а не съ дедукціей; и въ точныхъ наукахъ новое наблюденіе, новый найденный элементъ ниспровергаетъ считавшееся раньше вѣрнымъ то или иное положеніе; тѣмъ болѣе это можетъ имѣть мѣсто въ наукахъ неточныхъ.

Всѣми этими соображеніями объясняется и то, что я предпочелъ остановиться на названіи „методологическаго введенія“, а не на какомъ-либо другомъ, прямо вводящемъ въ центръ исторіи литературы, напримѣръ, на названіи „Основныя направленія русской литературы“,

или на чемъ-нибудь подобномъ. При сходствѣ между тѣмъ и другимъ есть и различіе. Если бы я остановился на заглавіи, напримѣръ, „Основныя направленія русской литературы“, то это была бы слишкомъ широкая постановка предмета, гдѣ рѣчь должна бы была идти о всѣхъ тѣхъ идеяхъ, конечно, главнѣйшихъ, которыя смѣняли другъ друга на пространствѣ девяти столѣтій существованія русской литературы, причемъ здѣсь вмѣстѣ съ литературными фактами пришлось бы касаться и культурной исторіи вообще. При названіи же введенія „методологическимъ“, я могу касаться только тѣхъ сторонъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ очень опредѣленной задачѣ. Здѣсь можно будетъ говорить о различныхъ литературныхъ направленіяхъ или объ историко-литературныхъ эпохахъ лишь постольку, поскольку это будетъ нужно для доказательства или иллюстраціи того или иного положенія. Я сказалъ уже, что никакую методологію какой бы то ни было науки нельзя отдѣлять отъ самой науки: указанія методологіи цѣнны только тогда, когда они выводятся изъ научныхъ данныхъ, а научныя данныя тогда только дѣйствительно научны, когда они добыты строго методическимъ путемъ. Поэтому, и въ данномъ случаѣ приходится прокладывать методологическій путь чрезъ рядъ научныхъ положеній въ области самой исторіи русской литературы. Но мнѣ нѣтъ нужды касаться объясненія того, напримѣръ, какъ возникало то или другое направленіе или та или другая идея: подобное изложеніе ставитъ себѣ свои опредѣленныя задачи и можетъ ограничиваться, напримѣръ, одной какой-либо эпохой. Я долженъ буду воспользоваться тѣмъ или инымъ установленнымъ уже историко-литературнымъ фактомъ и указать, какое заключеніе и какъ надо вывести его для нашей опредѣленной цѣли.

Я считаю здѣсь своевременнымъ остановиться на одной теоріи о психологическихъ типахъ, которая недавно вскользь высказана Овсянико-Куликовскимъ. Теорія эта имъ только высказана, но не развита съ достаточной полнотой. Но она заслуживаетъ вниманія какъ сама по себѣ, какъ измѣняющая наши обычныя представленія о смѣнѣ направленій, такъ и потому, что можетъ явиться вопросъ, не приложима ли эта теорія не только къ литературѣ новой, но и къ древней, и къ послѣдней особенно потому, что въ ней мы имѣемъ дѣло не съ личностями, а именно съ типами. Овсянико-Куликовскій — не менѣе публицистъ, какъ и ученый, и при широкомъ образованіи, онъ соединяетъ въ себѣ интересъ и къ историческому объясненію факта, что̀ не всегда замѣчается у публицистовъ. Отъ всѣхъ же своихъ со-

братій онъ отличается тѣмъ, что ставитъ свои изслѣдованія на психологическую почву. Такъ какъ и въ той постановкѣ вопроса, которую я предлагаю въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло именно съ психологическимъ настроеніемъ и писателей и общества, то нельзя не остановиться на теоріи Овсянико-Куликовскаго и не установить для нея опредѣленнаго мѣста. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. Разсматривая отношеніе критики 20-хъ и 30-хъ годовъ къ „Горю отъ ума" и въ частности къ Чацкому, авторъ устанавливаетъ, что это отношеніе было различное. Оказывается, что критика второй половины 20-хъ годовъ и начала 30-хъ оцѣнила комедію Грибоѣдова по достоинству и признала Чацкаго за своего современника; въ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ критика относилась къ нему или отрицательно или равнодушно. Такое различное отношеніе зависѣло-де отъ рѣзкаго измѣненія умственнаго и нравственнаго склада поколѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ, а также отъ измѣненія преобладающихъ чертъ душевной организаціи (стр. 45). Отсюда является необходимость разсмотрѣть, въ чемъ же заключалось это измѣненіе и умственнаго склада и душевной организаціи. Куликовскій и дѣлаетъ попытку обрисовать психологію того и другого поколѣнія.

Характеристика эта такова.

Въ общемъ, поколѣнія 20-хъ и начала 30-хъ годовъ характеризуются замѣтной выдержанностью со стороны чувствованій; они не такъ чувствительны, какъ слѣдующія поколѣнія. Ихъ характерная особенность заключается въ умѣренности реагированія чувствомъ на сильныя внѣшнія воздѣйствія и на тревогу собственной души. Со стороны мысли эти поколѣнія отличались жаждой знаній, способностью усваивать европейское просвѣщеніе, здоровой дѣятельностью ума и отсутствіемъ „глубокомыслія". Эти поколѣнія не страдали скорбями мысли, они скорѣе наслаждались познавательною работой ума. Въ иномъ свѣтѣ рисуются намъ поколѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ. Характерной особенностью ихъ является восторженность и чувствительность. Они представляютъ намъ картину какъ бы душевной неуравновѣшенности, порой близкой къ тому, что наблюдается у натуръ религіозно-экзальтированныхъ, у мистиковъ. „Восторгъ и умиленіе—вотъ тѣ чувства, или вѣрнѣе аффекты, которые эти люди переживали гораздо чаще и напряженнѣе, чѣмъ это полагается натурѣ душевно-уравновѣшенной". При такомъ различіи всей душевной организаціи, понятно, старшее поколѣніе не могло понимать младшаго и обратно, и Овсянико-Куликовскій ссылается на извѣстный примѣръ такого не-

пониманія другъ друга со стороны Полевого и Герцена, разошедшихся по вопросу о сенъ-симонизмѣ. Не касаясь деталей, можно согласиться, что съ исторической точки зрѣнія наблюденія Овсянико-Куликовскаго имѣютъ за собой основаніе, по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ говорится о различіи душевнаго склада людей 20-хъ и 30-хъ годовъ. Исторія общественныхъ и умственныхъ теченій и у насъ въ Россіи и на западѣ даетъ намъ много такихъ же примѣровъ разлада старшаго и младшаго поколѣній. Со времени Тургенева этотъ разладъ обыкновенно называется разладомъ между „отцами" и „дѣтьми". Нашъ авторъ предлагаетъ называть этотъ разладъ рознью между двумя „психологическими типами". Поясняетъ онъ свою мысль такъ. Разладъ, напримѣръ, между Базаровымъ и Кирсановыми [по взгляду Овс. К.] оставался бы во всей своей силѣ и въ томъ случаѣ, если бы они въ общемъ держались однихъ и тѣхъ же взглядовъ и убѣжденій. Дѣло здѣсь заключается не въ понятіяхъ или въ идеалахъ, а въ томъ, что Базаровъ по своей натурѣ, по своей психической организаціи, по самому складу ума, чувства и воли, являетъ собой психолологическій типъ, который во многомъ противоположенъ тому, къ какому принадлежатъ Кирсановы. Представители разныхъ психологическихъ типовъ могутъ сходиться во взглядахъ, въ стремленіяхъ, могутъ имѣть однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, но взаимное душевное пониманіе и сочувствіе устанавливается между ними съ большимъ трудомъ. На одинаковыя впечатлѣнія и воздѣйствія среды они реагируютъ различно въ силу различнаго уклада психики; различно реагируя, они по необходимости расходятся въ разныя стороны; поэтому, имъ всего труднѣе сговориться и понять другъ друга, когда они сталкиваются въ жизни среди однихъ и тѣхъ же условій времени. Часто различіе въ идеяхъ, во взглядахъ оказывается явленіемъ вторичнымъ, не причиной разлада, а слѣдствіемъ уже существующей розни, которая обусловливается кореннымъ различіемъ душевныхъ организацій.

Итакъ, здѣсь выдвигается особая постановка вопроса, обратная той, которую обыкновенно до сихъ поръ выставляли. Смѣна міровоззрѣнія и настроеній слѣдующихъ одного за другимъ поколѣній замѣчена, конечно, давно, и задача всякаго изслѣдователя и историка литературы сводилась къ установленію характерныхъ признаковъ этой смѣны и къ объясненію ея. Обыкновенно разсматривались сначала идеи, господствовавшія въ жизни того или другого поколѣнія, указывалось ихъ вліяніе на выработку міровоззрѣнія и на душевное на-

строеніе, а отсюда дѣлались уже частичные выводы и приложенія къ объясненію отношенія извѣстнаго поколѣнія къ историческому или историко-литературному явленію. Изложеніе самой борьбы двухъ поколѣній и составляло собственно предметъ культурной исторіи; борьбу поколѣній разсматривали обыкновенно какъ борьбу самихъ идей, которыя являлись первичной основой. Теперь Овсянико-Куликовскій основаніемъ ставитъ *„душевную организацію“* поколѣній и различіемъ этой организаціи хочетъ объяснить и различіе въ идеяхъ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Онъ сознаетъ всю трудность такой постановки. Если мы примемъ послѣднюю, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ же вызывалось это различіе душевныхъ организацій, почему на смѣну поколѣнія съ извѣстнымъ укладомъ душевныхъ силъ выступало поколѣніе съ совершенно другимъ укладомъ? Авторъ признаетъ самъ, что это—трудный вопросъ общественной психологіи, для рѣшенія котораго не всегда мы найдемъ достаточно свѣдѣній.

Вопросъ, несомнѣнно, трудный. Мы можемъ спросить, не попадемъ ли мы при предложенной авторомъ постановкѣ дѣла въ заколдованный кругъ? Какой бы періодъ литературы мы ни взяли, мы всегда видимъ извѣстныя направленія, которыя могутъ быть отвлечены отъ людей и разсматриваться сами по себѣ. Обыкновенно бываетъ такъ, что люди, явившіеся впослѣдствіи представителями и носителями новаго направленія, воспитывались еще при господствѣ направленія стараго, смѣнить которое они были впослѣдствіи призваны. Но мы постоянно видимъ, какъ во время господства того или иного направленія начинаютъ показываться признаки новаго направленія, обыкновенно въ видѣ протеста, происходитъ своего рода реакція. Люди старшаго поколѣнія обладаютъ въ моментъ наплыва новыхъ идей уже извѣстной душевной организаціей, которая является результатомъ какъ долгой исторіи, такъ и современныхъ разнообразныхъ условій. Въ силу своей уже сложившейся душевной организаціи они часто остаются недоступными вліянію новизны, и по той, конечно, причинѣ, что новымъ идеямъ предстоитъ продѣлывать въ данномъ случаѣ двойную работу: прежде чѣмъ захватить человѣка, имъ необходимо предварительно расчистить почву и вытѣснить изъ души и головы человѣка все то, что сложилось у него, какъ результатъ раньше дѣйствовавшихъ силъ. Молодое же поколѣніе, у котораго еще не сложилась душевная организація, оказывается всегда болѣе доступнымъ для воздѣйствія новыхъ идей, и вотъ послѣднія начи-

наютъ оказывать свое дѣйствіе, частію вытѣсняютъ старыя идеи, частію мѣшаютъ укрѣпиться послѣднимъ, и въ этой борьбѣ возникаетъ особый складъ ума и мысли т. е. то, что и называется душевной организаціей. Процессъ образованія душевной организаціи каждаго индивидуума, конечно, очень сложенъ, но говоря объ образованіи душевной организаціи цѣлаго поколѣнія, мы выдѣляемъ обыкновенно сходныя крупныя черты, среди которыхъ главнѣйшую роль играютъ окружающая обстановка и идеи. Что касается самыхъ идей, то объясненіе ихъ возникновенія всегда было и будетъ спекулятивнымъ; мы видимъ обыкновенно, какъ въ извѣстный моментъ начинаетъ робко показываться какая-либо идея, какъ она пробивается черезъ всѣ помѣхи, чинимыя ей традиціей, и какъ, наконецъ, она овладѣваетъ умами современниковъ. Но можемъ ли мы сказать, что извѣстная идея охватила современниковъ потому, что послѣдніе обладали извѣстной организаціей, воспріимчивой къ данной идеѣ? Съ одной стороны, можемъ, такъ какъ мы изъ исторіи теперь хорошо знаемъ, что извѣстное направленіе или извѣстная идея получаетъ господство только тогда, когда оказывается для этого подготовленная почва, т. е. когда люди по своей душевной и мыслительной организаціи оказываются воспріимчивыми къ тому и другому. Но отчего же происходитъ всегда совпаденіе и новыхъ идей и новой душевной организаціи современниковъ? Вопросъ этотъ пока остается безъ отвѣта. Далѣе, изъ какихъ данныхъ слагается извѣстная душевная организація, способная воспринимать ту или другую идею? Не будетъ же эта воспріимчивость прирожденной способностью каждаго поколѣнія, способностью, которая рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ извѣстной эпохи и съ нимъ же умираетъ? Очевидно, что и душевная организація есть результатъ тѣхъ же идей, и потому вопросъ, что̀ же является первоначальнымъ, различіе ли въ идеяхъ или различіе въ душевной организаціи, похожъ на вопросъ, что явилось раньше—курица или яйцо.

Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы идею источникомъ извѣстной душевной организаціи поколѣнія, или, наоборотъ, различіе въ душевныхъ организаціяхъ—источникомъ различія въ идеяхъ, мы должны признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общественной психологіей, и такъ какъ таковая еще не изучена сама по себѣ, то, разумѣется, все дѣло ограничивается обыкновенно констатированіемъ фактовъ. И намъ постоянно приходится имѣть дѣло съ явленіями общественной психологіи, когда мы стремимся дать научное объясненіе

тому или иному литературному факту. Коснемся ли мы самаго новаго явленія, какъ, напримѣръ, недавняго увлеченія Максимомъ Горькимъ, уйдемъ ли нѣсколько глубже, напримѣръ,—въ періодъ увлеченія байронизмомъ, окунемся ли уже въ отдаленную древность, въ родѣ періода увлеченія мистическимъ ученіемъ въ XIV — XV вѣкахъ, мы всюду имѣемъ дѣло съ общественной психологіей, и всюду для насъ явятся неразрывно связанными и сама идея, и цѣлое общество, и отдѣльный индивидуумъ въ видѣ читателя или писателя. Между двумя послѣдними наблюдается связь, тѣсное сродство, и связующимъ звеномъ между ними является идея. Исторія намъ разъясняетъ эту связь, разлагая ее на части и опредѣляя каждому элементу свое надлежащее мѣсто. Съ этой точки зрѣнія исторія всякой литературы однообразна по методу, но разнообразна по формѣ и содержанію. Обыкновенно, предметомъ исторіи являются два послѣднихъ элемента, и послѣднія научныя данныя приводятъ къ тому выводу, что въ исторіи литературы измѣняется лишь форма, а содержаніе остается всегда одно и то же, отъ первоначальнаго лепета дикаря до высокаго поэтическаго произведенія. Однако, каждая эпоха предлагаетъ всякій разъ и свое содержаніе: какъ же быть? Не будетъ ли новое содержаніе, вызванное той или другой опредѣленной исторической эпохой, извѣстнымъ наростомъ? Не будетъ ли дѣло обстоять такъ, что стоитъ лишь снять этотъ наростъ, какъ обнаружится такой элементъ, который можетъ быть прослѣженъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней? Все это — пока проблемы, и рѣшеніе ихъ принадлежитъ будущему. Разрѣшеніе ихъ сводится къ познанію единства во всемъ разнообразіи литературъ, но до этого еще очень и очень далеко. Предстоитъ первоначально разработать въ этомъ направленіи исторію каждой отдѣльной литературы.

Возвращаясь опять къ теоріи „душевной организаціи“, выставленной Овсянико-Куликовскимъ, я опять поставлю нѣкоторые вопросы, требующіе разрѣшенія, вопросы, которые имѣютъ особенное отношеніе именно къ литературѣ русской. Положимъ, что мы признаемъ всю вѣрность теоріи Овсянико-Куликовскаго, признаемъ, что извѣстная душевная организація двухъ поколѣній является первичной основой ихъ разлада и въ идеяхъ. Но мы должны проводить эту теорію послѣдовательно, или, по крайней мѣрѣ, должны задать вопросъ, можемъ ли мы это сдѣлать безъ тѣхъ или другихъ оговорокъ, которыми сопровождаетъ свою теорію и самъ авторъ? Послѣдній говоритъ, напримѣръ, что Базаровъ съ Кирсановыми разошлись бы, если

бы они даже одинаково мыслили, разошлись бы потому уже, что ихъ весь умственный и душевный укладъ былъ различенъ. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что они неодинаково мыслятъ, и едва ли въ исторіи литературы мы можемъ найти примѣры того, чтобы два слѣдующихъ одно за другимъ поколѣнія, различно относясь къ окружающей жизни, сходились бы, однако, въ идеяхъ. Правда, мы всегда можемъ найти точки соприкосновенія какъ между двумя поколѣніями, такъ и между людьми одного поколѣнія и сближать тѣхъ и другихъ между собой, исходя изъ этихъ точекъ соприкосновенія. Но это будетъ искусственность, работа съ сознательной цѣлью, и не устранитъ неизбѣжнаго вопроса, какъ же намъ быть съ тѣмъ элементомъ, который рѣзко раздѣляетъ одно поколѣніе отъ другого?

Къ этому присоединяется еще одно наблюденіе надъ жизнью общества, наблюденіе, которое подходитъ къ указанному выше. Какъ намъ быть съ извѣстной повторяемостью явленій культурно-историческаго характера? Я здѣсь не касаюсь вопроса, насколько исторія вообще повторяется, но историки всегда отмѣчали, что время отъ времени мы наблюдаемъ какъ бы снова вызванное къ жизни старое явленіе. Иногда дѣло идетъ о крупныхъ явленіяхъ, иногда о мелкихъ, иногда это касается формы, иногда—содержанія. Какъ ни различны новыя условія и новые факты, однако усматривается, повторяю, какъ бы воспроизведеніе стараго. Съ такого рода явленіями мы встрѣчаемся и въ области историко-литературной, но такой, которая затрогиваетъ вопросъ о психологіи общества. Съ такими повтореніями мы встрѣчаемся и въ русской литературѣ. Изъ многихъ такихъ случаевъ я укажу, напримѣръ, на отношеніе русскаго общества къ Пушкину. На этомъ отношеніи можно, пожалуй, построить цѣлую исторію извѣстныхъ воззрѣній русскаго общества на такіе крупные вопросы, какъ, напримѣръ, на вопросъ о значеніи искусства. Было время восторженнаго преклоненія передъ Пушкинымъ, это—30-е и 40-е годы и частью 50-е, затѣмъ наступилъ періодъ охлажденія къ нему и даже отрицательнаго отношенія, а затѣмъ этотъ періодъ смѣнился опять его культомъ. Ставъ на терминологію Овсянико-Куликовскаго, мы скажемъ, что мы и тутъ имѣемъ дѣло съ извѣстной душевной организаціей поколѣній, обусловливавшей то или иное отношеніе къ Пушкину: благодаря одной организаціи одному поколѣнію Пушкинъ былъ близокъ и понятенъ, благодаря другой душевной организаціи—другому поколѣнію онъ былъ чуждъ и непонятенъ, и затѣмъ опять, благодаря все той же душевной организаціи, слѣдующему поколѣнію онъ опять

становился также близокъ, какъ и раньше. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ объяснить такое явленіе, и можемъ ли мы успокоиться, сказавъ, что здѣсь все дѣло въ „душевной организаціи“ извѣстнаго поколѣнія? Мы сейчасъ же зададимъ вопросъ: Что же? Значитъ вновь народилось поколѣніе съ старой душевной организаціей? и если да, то значитъ душевный складъ можетъ повторяться? а если и это справедливо, то, наконецъ, спросимъ, отчего же зависитъ это повтореніе? И разсматривая всѣ сопровождающія обстоятельства, мы замѣтимъ, что вмѣстѣ съ повтореніемъ „душевной организаціи“ поколѣнія повторяется и идейное направленіе, хотя бы и въ видоизмѣненной формѣ. Опять получается своего рода заколдованный кругъ, изъ котораго теорія Овсянико-Куликовскаго не поможетъ выйти.

Какъ бы то ни было, мы должны признать долю справедливости за Овсянико-Куликовскимъ въ той части его теоріи, гдѣ онъ говоритъ объ извѣстномъ психическомъ состояніи общества. Если мы наблюдаемъ у извѣстнаго поколѣнія одинаковые вкусы, одинаковые взгляды, одинаковое отношеніе къ тѣмъ или другимъ явленіямъ окружающей жизни, то мы готовы будемъ говорить объ извѣстномъ духовномъ укладѣ или объ извѣстной психической организаціи взятаго нами поколѣнія. Но исторія образованія этой организаціи всякій разъ будетъ для насъ неясна. Еще кое-какъ мы объяснимъ различіе въ психической организаціи, а иногда и различіе въ взглядахъ и дѣйствіяхъ двухъ поколѣній, слѣдующихъ одно за другимъ. Здѣсь намъ придетъ на помощь историческая перспектива. Но какъ намъ быть, когда мы имѣемъ дѣло съ двумя или нѣсколькими поколѣніями одного времени, которыя не понимаютъ другъ друга и рѣзко между собой расходятся? Мы можемъ указать, напримѣръ, на западничество и славянофильство, два направленія, вышедшія изъ одного русла и существовавшія одновременно. Мы хорошо знаемъ, что представители того и другого направленія были сверстниками, что и по своему происхожденію и воспитанію они принадлежали къ одному кружку, что они исповѣдывали одну и ту же вѣру, и вотъ, однако, мы видимъ, что съ извѣстнаго момента оба кружка расходятся. Сначала ихъ разладъ обусловливается какъ бы однимъ чувствомъ, но затѣмъ къ чувству присоединяется и разумъ, и постепенно люди перестали понимать другъ друга. Исторія культуры пока не въ силахъ объяснить такое явленіе: оно только констатируетъ его и сопровождаетъ обрисовкой окружающей обстановки, но не объясняетъ. Но объясняетъ ли намъ теорія различія душевныхъ организацій? По этой теоріи мы имѣли бы

дѣло съ людьми одного и того же поколѣнія, но съ различной душевной организаціей. Мы не можемъ, однако, успокоиться на такомъ простомъ фактѣ и также зададимъ вопросъ: Что же? ужъ не родились ли люди, одни съ организаціей, приспособленной къ ученію славянофильства, другіе—съ организаціей, приспособленной къ ученію западничества? И какъ никакъ, причины разногласія мы опять будемъ искать въ идеяхъ.

Я остановился на теоріи Овсянико-Куликовскаго потому, что впослѣдствіи, когда придется имѣть дѣло съ тѣмъ или другимъ направленіемъ русской литературы, намъ придется говорить и о настроеніи общества, т. е., говоря словами Овсянико-Куликовскаго, о душевной организаціи. Но мы не будемъ имѣть возможности на послѣдней строить свои выводы, а, наоборотъ, будемъ выяснять ее на основаніи ея проявленія. Самъ Овсянико-Куликовскій признается, что опредѣленіе и объясненіе душевной организаціи тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе съ отдаленнымъ временемъ мы имѣемъ дѣло. Но это дѣйствительно такъ, если мы будемъ исходить изъ душевной организаціи изучаемаго поколѣнія, а не ставить ее концомъ изученія. Мы, поэтому, должны стремиться по возможности широко обрисовывать психическое состояніе изучаемаго поколѣнія, исходя изъ фактическихъ данныхъ, а основанія общей психологіи помогутъ дать намъ необходимыя при этомъ методологическія данныя.

ГЛАВА II.

Дѣломъ первостепенной важности было бы опредѣленіе тѣхъ особенностей, которыя проходятъ черезъ всю нашу литературу, съ начала ея возникновенія до нашихъ дней. Можно-ли усмотрѣть какіе-либо основные мотивы, которые бы отличали русскую литературу отъ другихъ литературъ и которые бы можно было прослѣдить, несмотря на всѣ временные интересы, какіе вызывались самой жизнью въ тотъ или другой ея періодъ? Иначе сказать, можно ли усмотрѣть въ нашей литературѣ то, что называется Leit-motiv? Такіе вопросы ставились иногда, главнымъ образомъ, по отношенію къ новой литературѣ, и чаще—къ литературѣ XIX вѣка. Тутъ старались иногда усмотрѣть, какое руководящее направленіе характеризуетъ нашихъ писателей, и рѣшали каждый по своему. Но дальше начала XIX вѣка вглубь обыкновенно не шли. Оно и понятно. Собственно наша литература, какъ такая, которая становится уже рядомъ съ литературами западно-европейскими, начинается съ 40-хъ годовъ, а потому, чтобы опредѣ-

лить мѣсто русской литературы среди родственныхъ литературъ, и было вполнѣ естественно останавливаться исключительно на литературѣ послѣдняго періода и опредѣлять именно ея отличительныя особенности. Но научное знаніе расширило поле своего наблюденія, и по мѣрѣ успѣховъ разработки исторіи русской литературы во всемъ ея объемѣ, естественно возникало стремленіе связать новое со старымъ и то, что является характернымъ для писателей новаго времени, объяснить традиціей, идущей съ древности. Съ одной стороны, къ разъясненію поставленнаго вопроса могли побуждать чисто теоретическія соображенія. Изученіе новой литературы, какъ и всякой другой, приводило къ расчлененію ея на основные элементы, среди которыхъ имѣли мѣсто и западно-европейскія идеи, которыя съ конца первой половины XIX вѣка воспринимались русскимъ обществомъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ или въ началѣ XIX вѣка. Идеи половины XIX вѣка становились почти тотчасъ же идеями общеевропейскими, въ томъ числѣ и русскими. Русскіе писатели, воспринимавшіе идеи, которыя проникали въ русское общество одновременно съ ихъ возникновеніемъ, претворяли ихъ не только сообразно съ русскою дѣйствительностью, но и съ тѣми отличительными качествами, которыя являются присущими именно русскому человѣку, въ отличіе отъ другихъ народностей. Однако, эти качества мы не должны, конечно, брать исходнымъ пунктомъ, но должны выискивать ихъ путемъ аналитическимъ, и только лишь послѣ анализа, послѣ выясненія всего того, что должно быть отнесено на долю постороннихъ вліяній, можно получающійся остатокъ отнести на долю русской самостоятельности. За анализомъ слѣдуетъ синтезъ, писатели сближаются между собой основными, общими имъ всѣмъ чертами, и въ результатѣ получается характеристика основного направленія или нѣсколькихъ основныхъ направленій русской литературы. Теоретическія соображенія о необходимости опредѣленныхъ направленій совпадали съ практическими результатами.

Но дѣло не могло ограничиваться только лишь теоретическими соображеніями. Научное знаніе ищетъ объясненія, пониманія факта, а пониманіе факта мы получаемъ лишь тогда, когда знаемъ его исторію. Если мы опредѣлимъ ту или другую характеристическую черту нашей литературы, то-есть, основныя черты нашихъ писателей, то естественно возникаетъ вопросъ, откуда берутся эти черты, какая сила заставляетъ ихъ выступать наружу у всѣхъ писателей, несмотря на ихъ индивидуальныя особенности? Не есть ли это проявленіе закона тра-

диціи? Съ другой стороны, изученіе литературы, предшествовавшей литературѣ 40-хъ и послѣдующихъ годовъ, особенно литературы древней, допетровской, также приводило къ возможности опредѣлить основныя положенія, и нѣкоторыя изъ нихъ совпадали съ тѣми, которыя выводились изъ анализа литературы новѣйшей. Вполнѣ естественно, поэтому, что явилось желаніе связать начало и конецъ и научнымъ образомъ опредѣлить характерныя особенности всей нашей литературы.

Надо, однако, напередъ сказать, что въ этомъ отношеніи научныхъ работъ въ печати почти что нѣтъ. Причина ясна: недостаточная еще разработанность русской литературы, какъ древней, такъ и новой. Между тѣмъ, положеніе всякой науки въ настоящее время требуетъ идти строго индуктивнымъ путемъ и въ своихъ выводахъ основываться на строго провѣренныхъ фактахъ. Но научная разработка нашей литературы, древней и новой, не можетъ похвалиться ни тѣмъ ни другимъ: слишкомъ много еще остается не только подъ сомнѣніемъ, но и въ полной неизвѣстности. Поэтому, на появляющіяся на эту тему соображенія должно смотрѣть только лишь какъ на попытки подойти къ рѣшенію поставленнаго вопроса, окончательные же выводы принадлежатъ будущему.

Предварительно слѣдуетъ установить, что собственно должно разумѣть подъ опредѣленнымъ направленіемъ русской литературы, связующимъ отдаленную древность съ настоящимъ временемъ; иначе—получится недоразумѣніе. Отдаленная древность и настоящее время связываются обыкновенно не по одному какому-нибудь направленію, а по закону преемственности, по закону эволюціи. Настоящее есть собственно преобразованное прошедшее, и задача изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ каждая эпоха въ исторіи литературы связывается съ предшествующей и послѣдующей. Опредѣляя эту связь и послѣдовательно переходя отъ древнѣйшей эпохи къ послѣдующей, мы постепенно подойдемъ и къ настоящему времени. Если наши выводы будутъ основываться на научныхъ данныхъ, то мы построимъ научную исторію литературы. При этомъ каждая эпоха выдвинетъ въ литературѣ свои интересы, а эти послѣдніе будутъ находиться въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, отъ политическихъ, соціальныхъ и т. п. Будетъ измѣняться жизнь общества—будетъ измѣняться и направленіе литературы, которая въ свою очередь можетъ оказывать свое вліяніе на общество и т. д. Исторія литературы сведется, такимъ образомъ, къ исторіи направленій ея.

Не эти направленія имѣются въ виду, когда идетъ рѣчь по поставленному выше вопросу. Тѣ направленія суть направленія строго историческія, а эти, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, скорѣе могутъ быть названы направленіями психологическими. Тѣ суть направленія скоропреходящія, измѣняющіяся вмѣстѣ съ измѣненіемъ всѣхъ другихъ условій, съ которыми литература находится въ связи, эти—суть направленія, идущія какъ бы изъ глубины природы русскаго человѣка, и потому остающіяся всегда, несмотря на всѣ внѣшнія измѣненія литературы; они какъ бы проходятъ надъ временными условіями, создающими то или иное историческое направленіе литературы. Говоря примѣрами, мы скажемъ, что, конечно, Левъ Толстой въ исторической перспективѣ не имѣетъ ничего общаго съ какимъ-нибудь писателемъ XI — XIII вв., поскольку тотъ и другой будутъ разсматриваться какъ продукты извѣстныхъ условій, какъ произведеніе извѣстнаго момента. Но они могутъ сближаться между собой съ психологической стороны, обнаруживая одинаковыя свойства, которыя могутъ и не зависѣть отъ вліянія времени, хотя бы, напримѣръ, непротивленіе злу. Если мы будемъ въ состояніи провести какое-нибудь свойство черезъ всѣ столѣтія и замѣтимъ, что наши писатели всѣхъ временъ, независимо отъ специфическихъ особенностей, свойственныхъ данному времени, обнаруживаютъ, напримѣръ, тенденцію непротивленія злу, то это мы и назовемъ тѣмъ руководящимъ направленіемъ, которое проходитъ черезъ всю литературу. Примѣняя терминологію Тэна, мы отыскиваемъ „господствующую способность“, но—не отдѣльнаго писателя, а всей ихъ совокупности, во все время съ начала до конца.

Понятно отсюда, какая осторожность требуется для окончательнаго утвержденія выводовъ. Тутъ всего легче впасть въ односторонности. Между тѣмъ, дѣло идетъ не о какомъ-либо частномъ вопросѣ, не объ изслѣдованіи какого-либо отдѣльнаго памятника, а о всемъ теченіи литературы. Возможно здѣсь взять одну какую-либо черту, подбирать произведенія, гдѣ эта черта такъ или иначе проявилась, и затѣмъ объявить ее какъ господствующую, назвать ее чертой „русскаго“ духа, и затѣмъ уже строить дальнѣйшіе выводы. Мы уже знаемъ, сколько неудобствъ произошло отъ того, что инымъ казалось, что ими найдено свойство русскаго духа; на этомъ строилась цѣлая система общественной жизни Россіи. Мы, конечно, далеки теперь отъ желанія практически воспользоваться какими-либо основными свойствами „русскаго духа“, хотя бы и вполнѣ научно обоснованными:

но должны опасаться, что понятый неправильно выводъ можетъ дискредитировать самый методъ изслѣдованія и подорветъ довѣріе къ его научности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы далеко раздвинемъ границы того направленія, которое, по нашему мнѣнію, проходитъ черезъ всю литературу, то легко можно впасть въ односторонность, граничащую съ только что указанной. Каждый литературный памятникъ есть результатъ одновременнаго дѣйствія самыхъ разнообразныхъ силъ, и вскрыть внутренній процессъ претворенія послѣднихъ въ органическое цѣлое невозможно при помощи одной лишь идеи, хотя бы и ярко бросающейся въ глаза. Бываютъ попытки разсмотрѣть всю исторію съ одной какой-либо точки зрѣнія, и мы должны признать, что, при многихъ цѣнныхъ указаніяхъ, все таки получается впечатлѣніе односторонности. Поэтому, и въ нашемъ случаѣ, устанавливая извѣстныя направленія, надо помнить, что они не одни являлись и являются создающими ту или другую литературу.

Принимая во вниманіе всѣ вышеуказанныя ограниченія и установивъ опредѣленныя границы новому способу изслѣдованія, можно приступить и къ попыткамъ установить тѣ или другія положенія.

Года три-четыре тому назадъ проф. Перетцъ сдѣлалъ въ очень краткомъ видѣ попытку связать новую литературу съ древней указаніемъ на одну особенность, свойственную, по его мнѣнію, всей русской литературѣ. Такой особенностью онъ выставляетъ склонность русскаго писателя къ „учительству“. Русскій книжникъ и русскій писатель всегда были „учителями“. Въ древнее время преобладаютъ поученія и проповѣди, въ новой—мы видимъ Достоевскаго и особенно Льва Толстого, изъ которыхъ послѣдній есть учитель по преимуществу. Это направленіе или, лучше сказать, эта способность къ учительству можетъ наблюдаться, по его мнѣнію, во всѣ времена, на всемъ пространствѣ нашей литературы. Начало ея лежитъ въ той переводной чужой литературѣ, которая на первыхъ же порахъ овладѣла новымъ христіаниномъ, наложила на него особый отпечатокъ, который, продолжая поддерживаться все той же литературой, дѣлался такимъ неотъемлемымъ свойствомъ русскаго человѣка, что уже по традиціи дошелъ до нашего времени.

Я напередъ долженъ сказать, что долю справедливости мы можемъ признать за такимъ указаніемъ. Нельзя отрицать, что первое обученіе было въ христіанскомъ духѣ, что первые просвѣтители русскаго народа, греки, южные славяне, и затѣмъ сами русскіе ставили себѣ первою

обязанностью учить другихъ. Нужно согласиться и съ тѣмъ, что поученія и проповѣди проходятъ существенною частью черезъ древнерусскую письменность, что первая обязанность письменныхъ людей была „поучать“ другихъ. Нельзя, пожалуй, опускать то же стремленіе къ учительству у новѣйшихъ писателей. Можно указать, напримѣръ, на Гоголя, который въ концѣ своего писательства вступилъ на дорогу учительства и въ своей Перепискѣ показалъ, что онъ такъ и смотритъ на учительство, какъ на свою миссію. Еще болѣе, конечно, сюда подойдетъ Толстой, вся писательская дѣятельность котораго, а особенно послѣднихъ десятилѣтій, направлена къ одной цѣли — къ учительству.

Нѣтъ сомнѣнія, что возможно провести такую черту черезъ русскую литературу, но едва ли проведеніе одной только этой черты можетъ удовлетворить изслѣдователя. Я назвалъ бы эту черту — чертой внѣшняго характера, не говорящей намъ о внутреннемъ содержаніи. Положимъ, что мы согласимся съ этимъ, но тогда возникаетъ вопросъ: къ чему же это учительство направлялось? чему стремились и стремятся учить наши книжники и писатели? Отвѣтить на этотъ вопросъ—значитъ опредѣлить до нѣкоторой степени и внутреннее содержаніе литературы. Если мы опредѣлимъ послѣднее, то первая особенность—склонность къ учительству—будетъ являться, такъ сказать, формальной стороной, а самое содержаніе учительнаго направленія — стороной реальной. Поэтому, признаніе положенія, выставленнаго проф. Перетцемъ, неминуемо влечетъ за собой дальнѣйшую постановку вопроса, но само по себѣ нисколько еще не разрѣшаетъ вопроса о характерныхъ свойствахъ русской литературы.

Въ недавнее время было высказано еще одно мнѣніе объ особенностяхъ русской литературы. Правда, оно было высказано въ примѣненіи къ прохожденію русской литературы въ средней школѣ. Но оно высказано лицомъ, пріобрѣтшимъ уже имя въ научной литературѣ и старающимся въ школьный учебникъ внести результаты научнаго изслѣдованія. Вопросъ состоялъ въ томъ, съ какой точки зрѣнія проходить новую русскую литературу въ средней школѣ, и рѣшался авторомъ (Сиповскимъ) такъ, что ее должно проходить съ точки зрѣнія христіанской морали. При такомъ де условіи можно связать древнюю литературу съ новой, такъ какъ христіанская мораль можетъ быть прослѣжена въ русской литературѣ съ древнѣйшихъ временъ. Эта христіанская мораль можетъ проявляться въ такихъ, напримѣръ, свойствахъ, какъ гуманное отношеніе къ „нищимъ ду-

хомъ“ и къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, какъ „очищеніе души“, напримѣръ, у Раскольникова, или „примиреніе съ людьми“, напримѣръ, у Болконскаго, или „просвѣтленіе сердца“, напримѣръ, у Лизы Калитиной и т. д.

Едва ли можно и въ данномъ случаѣ возражать по существу. Русская литература тѣмъ и поражаетъ иностранца, что наполнена чувствомъ. Эта особенность проявляется не только въ литературѣ. Когда хотятъ, напримѣръ, провести параллель между науками различныхъ націй, то указываютъ на то, что нѣмецкая наука вноситъ глубину, французская — ясность, а русская — чувство. Это именно господство чувства надъ разумомъ и является привлекательной стороной въ новой русской литературѣ. Естественно, что съ проявленіемъ „чувства“ соединяется понятіе „христіанской морали“. Эта послѣдняя можетъ, конечно, подраздѣляться на частныя положенія, которыя касаются или внутренней жизни человѣка, или отношенія его къ другимъ. Отсюда могутъ вытекать и такія опредѣленія, какъ „просвѣтленіе сердца“ или „гуманное отношеніе къ нищимъ духомъ“ и т. д. Опасность здѣсь заключается въ томъ, что въ своемъ подраздѣленіи общаго понятія „христіанской морали“ на частныя свойства мы можемъ пойти очень далеко, до тѣхъ поръ, пока не будетъ исчерпанъ весь словарь нравственныхъ понятій. Въ такомъ случаѣ у насъ можетъ получиться нѣчто расплывчатое и неуловимое; съ практической стороны эта расплывчатость будетъ, какъ будто, полезна: ко всякому произведенію можетъ быть налѣпленъ извѣстный ярлычекъ; но можно опасаться, что эти ярлычки будутъ налѣпляться произвольно и потому во всей совокупности не дадутъ болѣе или менѣе опредѣленнаго облика нашей литературѣ.

Въ самое послѣднее время на книжный рынокъ вышли двѣ книги, ставящія себѣ также подобныя задачи, это Иванова-Разумника и Андреевича: „Опытъ философіи русской литературы“. Несомнѣнно, въ нихъ есть хорошія мысли и мѣткія наблюденія, но несомнѣнно также, что обѣ онѣ вызваны не научными фактами, но политическими направленіями послѣдняго времени. Поэтому, онѣ представляютъ собой публицистическія статьи извѣстнаго пошиба. Отличительный характеръ всѣхъ подобныхъ книгъ — хлесткость фразы, осужденіе всего того, что не можетъ нравиться современной молодежи, отвыкшей совершенно отъ научной работы. На научную цѣнность такія книги, конечно, претендовать не могутъ, но и ихъ появленіе должно быть отмѣчено, какъ показатель того же стремленія къ выработкѣ общаго

взгляда. Что книги эти касаются только лишь XIX вѣка, объясняется, конечно, въ сильной степени тѣмъ, что у нашихъ публицистовъ отсутствуютъ даже самыя элементарныя свѣдѣнія по исторіи литературы приблизительно до 20-хъ—30-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Но какое бы направленіе мы ни старались провести черезъ русскую литературу, надо сначала имѣть въ виду, что это не будетъ означать, что каждое произведеніе какого бы то ни было періода должно непремѣнно подойти подъ намѣченное опредѣленіе или подъ частное его подраздѣленіе. При такомъ стремленіи мы легко можемъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса и легко можемъ натолкнуться на такіе факты, которые съ перваго взгляда будутъ какъ бы разрушать выставленное нами то или иное положеніе. Въ данномъ случаѣ твердо надо помнить, что какъ литература вообще, такъ и каждое произведеніе и каждый писатель въ частности суть созданіе многихъ разнообразныхъ условій, которыя сами суть порожденіе извѣстнаго времени. Мы не можемъ разсматривать каждое произведеніе только съ точки зрѣнія опредѣленнаго направленія, но должны поступать наоборотъ—разсматривать и искать, не проявилось ли извѣстное направленіе въ произведеніи, и, если проявилось, то въ какомъ видѣ и почему именно въ этомъ, а не въ томъ. Въ послѣднемъ-то случаѣ и должны имѣть значеніе такъ-называемыя историческія условія. Въ данномъ случаѣ, мы, прежде всего, должны дѣлать различіе между періодами въ русской литературѣ—древнимъ и новымъ, а въ послѣднемъ періодѣ придется дѣлать различіе между собственно „новымъ“ и такъ-называемымъ „новѣйшимъ“. Если бы даже всѣ періоды сближались между собою по одному или нѣсколькимъ признакамъ, то обнаруженіе послѣднихъ будетъ иное въ томъ или иномъ періодѣ, въ зависимости отъ условій времени. Достаточно указать на то, напримѣръ, отличіе, что масштабъ времени будетъ иной для новой и древней литературы: то, что въ новой литературѣ совершалось въ десятилѣтіе, то въ древней — въ столѣтіе; для того, что въ новой наблюдается рѣзко у одного писателя, въ древней—надо брать совокупность памятниковъ. Послѣднее обстоятельство не исключаетъ, впрочемъ, возможности основываться и на отдѣльныхъ памятникахъ, если послѣдніе являются въ разсматриваемомъ отношеніи характерными.

Итакъ, какое же особенное направленіе можетъ быть прослѣжено въ нашей литературѣ, которое связывало бы новый періодъ съ древнимъ? Я вижу таковыхъ два, изъ которыхъ одно можно бы на-

звать центробѣжнымъ, другое—центростремительнымъ. Оба они, идя черезъ всѣ пространства и времена, дѣйствуютъ одновременно, не давая, съ одной стороны, замкнуться въ тѣсный кругъ самодовлѣющаго самосознанія, съ другой — не давая исключительнаго господства общественности надъ индивидуальностью. Одно тянетъ мысль человѣка остановиться на самомъ себѣ, другое не даетъ ему забыть окончательно внѣшній міръ. Но это не значитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о какихъ-то двухъ началахъ—добромъ и зломъ, которыя какъ бы противоположны другъ другу. Они не только не противоположны, но и параллельны, и въ нѣкоторомъ отношеніи сближаются, именно—по конечнымъ результатамъ. Правда, это сближеніе зависитъ уже отъ другихъ условій.

Первое направленіе нашей литературы не находится въ противорѣчіи съ тѣми, которыя, какъ указано, уже выставлялись въ ученой литературѣ. Оно исходитъ изъ того же корня, сходится съ ними общими чертами, но отличается отъ указаннаго проф. Перетцемъ тѣмъ, что послѣднее, то-есть „склонность къ учительству“, есть, такъ сказать, формальная сторона, а выставляемое мною направленіе есть сторона реальная, въ томъ смыслѣ, что оно даетъ содержаніе первому. Отъ направленія, указаннаго Сиповскимъ, мое отличается съ одной стороны тѣмъ, что оно у́же общаго его опредѣленія подъ именемъ „христіанской морали“, съ другой же оно шире его отдѣльныхъ опредѣленій. Я назову его „стремленіемъ къ личному нравственному совершенствованію“.

Выставивъ указанную точку зрѣнія, нельзя скрыть трудностей при желаніи ее обосновать. Прежде всего, спрашивается, какъ относиться къ литературѣ чужой, переводной и нужно ли ее принимать во вниманіе? далѣе спрашивается, какія изъ самостоятельныхъ произведеній надо брать въ разсчетъ при изложеніи? Что касается переводныхъ произведеній, то мы должны и сами исходить изъ того факта, что вся наша литература до извѣстнаго періода проистекаетъ изъ чужихъ произведеній. Первыя книги, по которымъ учились и которыя читали русскіе люди, были книги чужія, переводныя, и русскимъ людямъ предстояло лишь такъ или иначе отнестись къ предлагаемой литературѣ. Послѣдняя была воспринята, разумѣется, настолько, насколько это было доступно новому человѣку, только что вступившему на путь культуры и гражданственности. Византійская литература, предлагаемая русскому человѣку, была богатая—и догматическая, и историческая, и повѣствовательная. Но понятно, что она не могла

быть доступна вся цѣликомъ. Всевозможные догматическіе трактаты не могли быть прямо таки поняты новымъ христіаниномъ: несомнѣнно, что и въ самой Византіи они составляли собственность лишь извѣстнаго кружка людей. Если, поэтому, рядомъ съ догматическими ухищреніями предлагались и практическіе выводы изъ нихъ, то за послѣдніе хватались, какъ за нѣчто реальное, что̀ видимо и слышимо. Отсюда легкое усвоеніе обряда и непониманіе его основанія—догмата; отсюда сильная привязанность къ нему и, наконецъ,—постепенное смѣшеніе его съ догматомъ. Изъ историческихъ сочиненій не могли интересовать такія, которыя могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ „исторіей", конечно—въ тогдашнемъ смыслѣ. Интересъ къ исторіи, какъ къ таковой, приходитъ вездѣ очень поздно, и на первыхъ порахъ интересъ былъ къ такой исторіи, которая въ сущности походила на сказку. Кромѣ того, интересовала еще другая сторона въ исторіи, сторона узкая, но находившаяся въ связи съ тѣмъ выяснившимся впослѣдствіи направленіемъ, проявленіе котораго составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія—интересъ религіозный. Но что особенно поразило русскаго человѣка въ новомъ ученіи—это сторона нравственная. Въ этомъ отношеніи сошлись крайности: въ старые первые вѣка христіанства (не на Руси) послѣднее имѣло объектомъ своего вліянія уже міръ культурный, хотя онъ и представляется обыкновенно въ періодъ упадка; въ новые первые вѣка христіанства (на Руси) христіанское ученіе имѣло объектомъ почти что первобытнаго человѣка, еще не тронутаго культурой; почва для воспринятія была совершенно дѣвственная. Это-то нравственное ученіе и легло въ основаніе дальнѣйшаго саморазвитія русскаго человѣка, хотя оно и приняло, можетъ быть, одностороннее направленіе.

На основаніи сказаннаго, надо, слѣдовательно, принимать во вниманіе и переводную литературу. Ее нельзя игнорировать еще и потому, что взаимоотношеніе своей и переводной литературъ и отношеніе русскаго человѣка къ послѣдней было всегда—и въ древнее и въ новое время—одинаково: чужая литература, будучи таковой на первой ступени, на второй становилась для русскаго человѣка вполнѣ своей, своимъ органическимъ явленіемъ, и для читателя было уже безразлично, свою ли литературу онъ читаетъ или чужую; конечно, я имѣю въ виду исключительно направленіе.

Итакъ, первое основаніе или общій фонъ давала переводная, чужая литература; такъ было въ древнее время, такъ было и въ новое. Но далѣе на этомъ фонѣ вырисовывалась уже своя литература, хотя и въ

скромныхъ размѣрахъ, и обрисовывалась физіономія русскаго книжника, а впослѣдствіи и русскаго образованнаго человѣка. Различныя эпохи переживало русское общество въ своей жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и русская литература; каждая эпоха клала на нее свой особый отпечатокъ, снабжала ее особыми интересами: но когда мы отбросимъ послѣдніе, то всюду найдемъ одинъ мотивъ, одно направленіе—это стремленіе уйти въ себя, стремленіе лично себя усовершенствовать въ нравственномъ отношеніи, и стараніе доказать другимъ, что безъ достиженія нравственнаго совершенства нѣтъ счастія.

Выше было сказано, что тѣ направленія, которыя теперь разсматриваются, не должны быть смѣшиваемы съ направленіями историко-литературными. Однако, можетъ возникнуть вопросъ, не найдемъ ли мы въ отдѣльныхъ случаяхъ хронологическаго совпаденія тѣхъ и другихъ направленій, т. е. не можемъ ли мы замѣтить, чтобы подъемъ изслѣдуемаго направленія по времени совпадалъ иногда съ тѣмъ или другимъ направленіемъ историко-литературнымъ. Мы увидимъ далѣе, что такое совпаденіе, дѣйствительно, имѣло мѣсто, и отсюда мы заключимъ, что и на проявленіе разслѣдуемаго направленія, на большую или меньшую степень его, имѣли вліяніе всѣ тѣ историческія условія, которыя вызывали характерныя особенности литературы, дававшія въ ея исторіи опредѣленныя названія данному періоду. Поэтому, разсматривая исторію русской литературы съ указанной точки зрѣнія т. е. съ психологической, намъ не только нѣтъ нужды, но и невозможно ставить особыя вѣхи, отличныя отъ тѣхъ, которыя устанавливаются историками литературы. Отличіе будетъ въ томъ только, что, устанавливая опредѣленныя направленія литературы въ ихъ хронологической послѣдовательности, мы стараемся установить и ихъ преемственность, ихъ взаимную связь т. е. усмотрѣть эволюцію, а говоря о психологическомъ направленіи, мы, хотя и будемъ также прослѣживать его эволюцію, но, главнымъ образомъ, будемъ искать признаковъ постоянства, такихъ признаковъ, которые давали бы намъ право говорить объ этомъ направленіи, какъ объ одномъ изъ господствующихъ особенностей русской литературы.

Отсюда можно заключить, что указанное направленіе, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію въ нѣкоторыя эпохи можетъ быть наблюдаемо въ очень слабой степени, такъ что мы не можемъ говорить о преобладаніи его. Но, съ другой стороны, въ иныя эпохи это стремленіе обнаруживается съ большой силой, такъ что и

сама литература, и образъ жизни мыслящихъ людей покрывается дымкой этого направленія.

ГЛАВА III.

Посмотримъ теперь, въ какихъ размѣрахъ можно прослѣдить въ русской литературѣ это стремленіе къ нравственному совершенствованію.

Наша литература начинается періодомъ, который обыкновенно называется Кіевскимъ; онъ оканчивается въ половинѣ XIII вѣка, когда литературная жизнь сосредоточивается на сѣверо-востокѣ, гдѣ она началась собственно въ концѣ XII вѣка. Я не стану теперь останавливаться на этомъ названіи, такъ какъ неоднократно говорилъ о немъ въ другихъ мѣстахъ. Но должно, во всякомъ случаѣ, указать на то, что названіе періода Кіевскимъ не покрываетъ всей тогдашней литературы. Особенность этого періода, по сравненію съ послѣдующимъ, состоитъ именно въ томъ, что географическія границы тогдашней литературы не укладываются въ узкія рамки опредѣленной области. Кіевъ былъ центральнымъ пунктомъ, онъ имѣлъ доминирующее значеніе, но кромѣ Кіева литературная жизнь наблюдалась тогда во всѣхъ пунктахъ наибольшей политической жизни. Хотя сознаніе единства Руси и было очень ясно и сильно у книжныхъ людей того времени, однако, самая географическая отдаленность такихъ пунктовъ, какъ напр., съ одной стороны Кіевъ, съ другой—Новгородъ и Смоленскъ, не могла не быть причиной нѣкоторой разрозненности въ литературѣ. Въ то же время нужно имѣть въ виду, что этотъ періодъ былъ начальнымъ періодомъ русской литературы, когда еще только опредѣлялось ея значеніе, когда являлись впервые ея памятники и когда, слѣдовательно, литература не могла еще принять идейнаго направленія въ смыслѣ отраженія общественной жизни.

Само собою разумѣется, что чужая переводная литература, бывшая единственнымъ источникомъ новаго настроенія, должна была оказывать свое вліяніе. Она въ главной своей массѣ была церковно-поучительнаго характера, и въ силу послѣдняго она, какъ литература христіанская, должна была оказывать свое вліяніе въ нравственномъ отношеніи. Конечно, мы не должны утверждать, что подъ вліяніемъ ея русскіе люди въ два столѣтія сдѣлались въ нравственномъ отношеніи настолько высокими, что сравнительно съ своими предками стали неузнаваемы. У насъ нѣтъ для этого никакого критерія. Да и вообще должно отбросить всякую мысль о томъ, что можно когда-

нибудь говорить объ абсолютной высотѣ нравственнаго состоянія цѣлаго общества. Мы должны давать не оцѣнку нравственнаго состоянія общества и вытекающаго отсюда практическаго образа дѣйствія послѣдняго, какъ цѣлаго, но въ данномъ случаѣ должно лишь имѣть въ виду установить, какое направленіе принимала новая мораль. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, какъ напр. Владиміръ Мономахъ, или по отношенію къ отдѣльнымъ явленіямъ, какъ напр. иные законодательные акты, можно прямо говорить о вліяніи христіанскаго ученія; но мы поступили бы слишкомъ рискованно, если бы единичные случаи стали обобщать и характеристику отдѣльнаго лица или явленія переносить на все общество, подобно тому, напр., какъ мы поступили бы рискованно, если бы, исходя изъ проповѣдей Иларіона и Кирилла Туровскаго, мы стали дѣлать общую характеристику о степени образованія того народа, къ которому обращались съ этими проповѣдями.

Возвращаясь къ сказанному, повторю, что духовно-поучительный характеръ новой литературы долженъ былъ оказывать дѣйствіе на духовную жизнь русскаго человѣка и его интересы. Но какое это было дѣйствіе? Характерными въ этомъ отношеніи являются напр. такихъ два эпизода. Философъ, долго убѣждавшій князя Владиміра креститься, въ заключеніе своего убѣжденія показалъ ему картину страшнаго суда, гдѣ представлено было блаженное состояніе праведниковъ и мученіе грѣшниковъ. Князь Владиміръ вздохнулъ и сказалъ, указывая на праведниковъ: „Хорошо этимъ“, а философъ на это отвѣтилъ: „Если хочешь быть съ ними, то крестись“. Изъ словъ лѣтописца мы можемъ заключить, что на Владиміра всего больше произвела впечатлѣніе эта картина страшнаго суда, и это впечатлѣніе было впечатлѣніемъ не только князя Владиміра, а и самого лѣтописца. Смыслъ ясенъ: нужно заботиться, чтобы въ будущей жизни быть вмѣстѣ съ праведными, а для этого нужно опредѣленнымъ образомъ приготовляться и соотвѣтственнымъ образомъ устраивать и свою жизнь. Личное совершенствованіе выступаетъ на первый планъ. Еще характернѣе отказъ Владиміра казнить преступниковъ: „Боюсь грѣха“, говорилъ онъ. Опять-таки не какія-либо другія причины заставляютъ его отрицать смертную казнь, а только боязнь согрѣшить и тѣмъ выказаться недостаточно совершеннымъ для полученія будущаго блаженства. Такимъ образомъ, въ этомъ темномъ душевномъ процессѣ мы можемъ различать двѣ стороны: конечную цѣль въ видѣ будущаго блаженства и ближайшую—въ видѣ усовершенствованія здѣшней внутренней личной

жизни. Но мы можемъ расчленить этотъ процессъ и выдвинуть вторую его составную часть, которая впослѣдствіи и могла быть конечной цѣлью, когда мысль о будущей жизни и узкое представленіе о настоящей, какъ о приготовленіи къ будущей, стало терять свое преобладающее значеніе.

Такъ на первыхъ порахъ дѣйствовало новое ученіе. Такой результатъ его можно видѣть еще, напримѣръ, въ монашествѣ, которое на первыхъ же порахъ у насъ получило не малое распространеніе. Тутъ самоусовершенствованіе понималось иногда своеобразно: его видѣли въ „умерщвленіи плоти", въ самоистязаніи. Непосредственной причиной была та же переводная литература, которая представляла много примѣровъ такого самоусовершенствованія; это есть одна изъ сторонъ христіанской морали, и эта-то сторона и стала оказывать, прежде всего, свое дѣйствіе на русскаго человѣка. Но для разсматриваемаго періода, какъ сказано, это не можетъ быть представлено въ яркихъ краскахъ. Конечно, я говорю это сравнительно съ другими эпохами, когда разслѣдуемое направленіе наиболѣе интенсивно. Если бы мы стали подыскивать причины слабости проявленія указаннаго направленія, или стали бы доискиваться, какое же направленіе было въ тотъ періодъ доминирующимъ, то въ отрицательномъ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ мы нашли бы отвѣтъ и на первый. Дѣйствительно, какъ сказано, мы не можемъ назвать Кіевскій періодъ литературы идейнымъ въ смыслѣ одного или нѣсколькихъ преобладающихъ направленій. О причинахъ теперь нѣтъ нужды распространяться, но мы привыкли всегда въ такихъ случаяхъ говорить, что разрозненная жизнь на большомъ пространствѣ не могла еще, при слабости общественной и государственной организаціи вообще, давать достаточно матеріала для того, чтобы проявлять въ литературныхъ памятникахъ опредѣленное идейно-общественное направленіе. Тамъ и тутъ являлись люди, одаренные талантами и усвоившіе себѣ въ достаточной степени предлагавшуюся имъ византійскую премудрость; они выдѣлялись изъ обычной среды и оставляли намъ плоды своего образованія и начитанности, но мы не можемъ связать послѣдніе съ какими-либо общественными настроеніями. Византія передала намъ одновременно и высшія произведенія изощрившагося въ догматическихъ тонкостяхъ ума и довольно простыя несложныя произведенія полумонашескаго характера, и русскій человѣкъ читалъ и обработывалъ то, что ему было доступно. Если византійская литература въ моментъ соприкосновенія ея съ славяно-русской дѣйствительностью представляла собою результатъ десятивѣковой исторической жизни, то

для русской жизни и литературы этотъ результатъ былъ неощутителенъ и производилъ только впечатлѣніе пестроты. Но эта пестрота имѣла и хорошую сторону: благодаря ей, каждый могъ въ переводной литературѣ найти то, что ему было нужно и что было ему доступно. Она не могла внушить русскому человѣку ничего идейнаго въ смыслѣ общественности, а свои условія пока не давали матеріала. Слѣдовательно, доминирующаго направленія въ разсматриваемый періодъ мы усмотрѣть не можемъ. Но благодаря всѣмъ указаннымъ условіямъ, мы и не ожидаемъ такого сильнаго проявленія указаннаго направленія т. е. стремленія къ нравственному самосовершенствованію, чтобы оно могло назваться доминирующимъ. Мы должны довольствоваться тѣмъ фактомъ, что, выдѣляя попытки проявленія самостоятельной литературы, напримѣръ, со стороны такихъ лицъ, какъ Климентъ Смолятичъ, Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, Владиміръ Мономахъ, мы получаемъ довольно большое количество разнообразныхъ поученій, которыя, конечно, имѣютъ въ виду индивидуальное совершенствованіе, а не общественное.

Мнѣ нѣтъ, поэтому, нужды останавливаться на отдѣльныхъ произведеніяхъ тогдашней литературы и выискивать въ нихъ признаки изслѣдуемаго направленія. Достаточно констатировать, что оно доказывается хотя бы отрицательно т. е. отсутствіемъ несомнѣнныхъ признаковъ какого-либо другого опредѣленнаго направленія.

За періодомъ, называемымъ обыкновенно Кіевскимъ, слѣдовалъ другой, относительно котораго не всѣ изслѣдователи согласились между собой какъ въ опредѣленіи границъ его такъ и въ характеристикѣ его направленій. Я теперь не нахожу возможнымъ останавливаться подробно на изложеніи этого періода литературы какъ опредѣленнаго историческаго періода, но все-таки въ краткихъ словахъ необходимо указать на главнѣйшіе взгляды въ цѣляхъ наилучшей оріентировки. Разногласіе существуетъ, напримѣръ, по вопросу, съ какого момента начинать новый періодъ литературы и до какого доводить его. Понятно, что самъ по себѣ этотъ вопросъ могъ бы и не казаться важнымъ, но важно то, что разумѣется всякій разъ, когда говорится о предѣлахъ того или другого періода, иначе сказать, важны тѣ основанія, по которымъ опредѣляется продолжительность того или другого періода. Въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, съ одной стороны, о связи литературы Кіевскаго періода съ послѣдующей, сѣверо-восточной, а съ другой—о значеніи татарскаго нашествія и ига для развитія и направленія литературы. Съ давнихъ поръ во всѣхъ книгахъ

говорится о двухъ литературахъ, раздѣленныхъ и географически и хронологически—о литературѣ Кіевской или литературѣ XI—XIII вѣковъ и о литературѣ сѣверовосточной, впослѣдствіи ставшей московскою, или о литературѣ съ половины XIII до XVI вѣка. Въ то же время во всѣхъ книгахъ по исторіи и по исторіи литературы говорилось и говорится о Руси до-монгольской и послѣ-монгольской, объ исторіи до-монгольскаго періода и объ исторіи періода монгольскаго; точно также говорится и объ исторіи литературы. Спрашивается, какъ связать оба эти подраздѣленія, покрываютъ ли они другъ друга, или тутъ дѣленіе основывается на различныхъ признакахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, и въ чемъ заключается научная цѣнность того и другого дѣленія? Надо имѣть въ виду, что отъ принятія того или другого положенія зависитъ частью и самая характеристика древне-русской литературы, хотя только частью, но не въ цѣломъ. Дѣло въ томъ, что, если мы поставимъ въ центрѣ татарское нашествіе, то вся литература, отъ XI до XV вѣка включительно, раздѣлится на двѣ части—до-монгольскаго періода и монгольскаго, причемъ первая часть будетъ обнимать и Кіевскій періодъ и начало литературы сѣверовосточной т. е. конецъ XII и первую половину XIII вѣка. При такомъ условіи литература „Кіевская“ какъ бы сливается съ литературой сѣверовосточной, и зарожденіе послѣдней, связь ея съ началомъ новой жизни на сѣверовостокѣ какъ-то затеривается, и является затрудненіе, куда возводить литературу XIV—XV вв. Если же, съ другой стороны, поставимъ въ центрѣ признакъ географическій и къ нему присоединимъ татарское нашествіе, то у насъ получится собственно три періода, но второй и третій будутъ соединяться воедино. Татарское нашествіе будетъ раздѣлять на двѣ части не всю литературу, а только лишь одну, замыкавшуюся въ географическихъ предѣлахъ сѣверовосточной Руси. Если послѣдняя начала свое существованіе въ концѣ XII вѣка, то въ первой половинѣ XIII-го, съ нашествіемъ татаръ, она получила нѣкоторый перерывъ, но какой—пока остается не вполнѣ яснымъ. Во всякомъ случаѣ, литература татарскаго періода непосредственно продолжаетъ литературу до-татарскаго періода сѣверовостока, но не Кіева. Все дѣло сведется къ вопросу: что должно противопоставлять литературѣ Кіевскаго періода—литературу ли монгольскаго періода вообще или литературу сѣверовосточную, включая въ послѣднюю двѣ части—до-татарскую и послѣ-татарскую? Я полагаю, что должно принять второе положеніе. Основанія приводить здѣсь не у мѣста.

Скажу только, что при такомъ положеніи древне-русская литература тѣснѣе сближается съ политическою жизнью, давая возможность послѣдовательно вести ее чрезъ нѣсколько этаповъ въ связи съ измѣнившимися условіями политической жизни; значеніе татарскаго нашествія, или лучше монгольскаго ига, тѣмъ не менѣе, будетъ имѣть свое мѣсто, но не по отношенію къ древнѣйшему періоду—XI—XII вв., а къ небольшому періоду конца XII и первой половины XIII. Сопоставлять литературу татарскаго и послѣ-татарскаго періода съ литературой „Кіевской“ нельзя: это двѣ величины въ сущности несравнимыя; мы можемъ сказать, что, если бы татарскаго нашествія не было, то все-таки литература сѣверовостока отличалась бы отъ литературы „Кіевской“: послѣдняя закончилась сама собой, безъ искусственнаго вліянія татарскаго нашествія, а сѣверовосточная литература также началась сама собой еще до татарскаго нашествія; измѣнились формы политической жизни, измѣнилось и направленіе литературы.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни дѣлили древне-русскую литературу, начиная съ половины XIII вѣка, мы можемъ говорить лишь о литературѣ сѣверовостока т. е. о литературѣ той народности, которая съ этого времени начинаетъ складываться въ народность великорусскую. О народности и литературѣ южнорусской т. е. той, которая впослѣдствіи явилась подъ именемъ малорусской, теперь уже не можетъ быть болѣе рѣчи въ общемъ историческомъ ходѣ развитія литературы русской.

Возвращаясь къ поставленному выше вопросу о стремленіи къ нравственному самоусовершенствованію, мы должны признать, что конецъ XII вѣка заключалъ въ себѣ цѣликомъ элементы стараго періода. Хотя литература этого періода и объединяется условно подъ именемъ „Кіевской“, однако, въ то же время было и на сѣверѣ нѣсколько центровъ, гдѣ литературныя направленія были одни и тѣ же, съ небольшими неизбѣжными варіаціями. Когда въ концѣ XII вѣка на сѣверовостокѣ начали образовываться свои политическіе центры, среди которыхъ первую роль игралъ пока городъ Владиміръ на Клязьмѣ, несомнѣнно, тамъ стали появляться и книжные люди, переходившіе, можетъ быть, и съ юга и приносившіе съ собой старую литературу. Новое направленіе, образовавшееся въ литературныхъ центрахъ сѣверовостока, было довольно своеобразно: оно выражалось, такъ сказать, не въ творчествѣ изобрѣтенія новыхъ мыслей, а въ творчествѣ техники изложенія. Въ этой области упражнялись книжные люди, и

все свидѣтельствуетъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ политической жизни въ различныхъ центрахъ книжные люди обнаруживали и любовь къ книгѣ и интересъ къ чтенію и къ обработкѣ прочитаннаго. Но настроеніе массы ничѣмъ пока не выражалось.

Два съ половиною вѣка со времени принятія христіанства и вмѣстѣ съ нимъ просвѣщенія протекло безъ большихъ потрясеній, хотя и въ разнообразныхъ условіяхъ. Нахлынувшее просвѣщеніе сразу захватило книжныхъ людей, и мы можемъ разсматривать первые два вѣка русской умственной жизни какъ такіе, когда русскому человѣку было не до себя, не до самонаблюденій и самоанализа. Передъ нимъ впервые развертывалась въ достаточной силѣ для его еще мало подготовленнаго ума широкая картина просвѣщенія. Много новаго доставляло ему новое ученіе, а широкая жизнь, прерывавшаяся борьбой съ кочевниками, устремляла его вниманіе въ большей силѣ на то, что лежало внѣ его, нежели на то, что было внутри его. Литература Кіевскаго района т. е. юга Россіи, представлявшаго широкую свободную степь, сама какъ бы подчинялась этимъ природнымъ условіямъ и не дозволяла читателю сосредоточиваться на заботѣ лишь о самомъ себѣ. Широкіе общественные интересы, правда, еще не вылились въ ясную реальную форму, но все-таки они предчувствовались, если не выражались. Душевный элементъ, столь присущій и теперь южноруссу, стремился вылиться наружу, но въ этомъ стремленіи дѣйствовало не только „я“, но и вся окружающая обстановка. Съ конца же XII в., а особенно съ начала XIII в. жизнь русскаго человѣка начинаетъ суживаться; жизнь сосредоточивается на сѣверѣ, югъ почти отпадаетъ; литературными дѣятелями становятся почти исключительно люди сѣвера, выросшіе и въ другой обстановкѣ и въ другой природѣ. Связи съ югомъ становятся слабѣе, и только лишь Кіевскій Патерикъ обращаетъ взоръ и мысль сѣверянина на колыбель русскаго просвѣщенія. Борьба въ широкой степи съ кочевниками, гдѣ можно было показать свою удаль, не имѣла мѣста на сѣверовостокѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, среди суровой природы. Молчаливая и суровая природа налагала свой отпечатокъ на характеръ русскаго человѣка новой формаціи, и вся окружающая обстановка дѣлала его воспріимчивымъ совершенно къ другому настроенію, дѣлала его болѣе сосредоточеннымъ и углубленнымъ въ самого себя. Сама политическая жизнь какъ бы способствовала такому постепенному суживанію интересовъ и такому постепенному развитію самоанализа. Съ самаго начала политической жизни на сѣверовостокѣ образуются

мѣстные интересы, которые дѣлаются особенно ясными, если мы сравнимъ развитіе мѣстной жизни на сѣверовостокѣ съ таковымъ же развитіемъ на югѣ. И на югѣ было нѣсколько княжествъ, боровшихся иногда между собою, и тамъ параллельно съ развитіемъ областной политической жизни было нѣсколько литературныхъ центровъ, и шло развитіе мѣстной областной литературы; но мы можемъ замѣтить одну особенность проявленія мѣстныхъ интересовъ на сѣверовостокѣ сравнительно съ югомъ, именно, въ первомъ замѣтно выступаетъ мѣстный патріотизмъ, выступаетъ сознательно; какая-либо повѣсть съ ярко мѣстнымъ колоритомъ не менѣе ясно проникнута сознательнымъ стремленіемъ возвысить свое, свой городъ, своего князя, часто въ ущербъ другому. Видно, что когда-то бывшій широкій кругозоръ сузился, ближайшая окружающая обстановка взяла верхъ надъ широкимъ міровоззрѣніемъ. Все это являлось слѣдствіемъ разнообразныхъ условій, и все это было особой почвой, на которой должна была развиваться и литература. Понятно, что тутъ стало постепенно происходить взаимодѣйствіе. Литература или стала замыкаться въ кругѣ немногихъ мѣстныхъ интересовъ или, если она выходила изъ этого круга, то попадала въ область уже стараго, раньше полученнаго матеріала, надъ которымъ книжнику предстояло испытать свои силы. Стѣсненная естественными условіями мысль не имѣла ни побужденій ни возможности захватить какіе-либо высшіе интересы. Но она не могла же остановиться совершенно, и вотъ мы видимъ, что, съ одной стороны, продолжается старое вліяніе церковной литературы, съ другой — являются попытки воспользоваться какъ-нибудь старымъ матеріаломъ литературнаго содержанія. Правда, на первыхъ порахъ мы присутствуемъ при несомнѣнныхъ зачаткахъ новыхъ литературныхъ сношеній сѣверовосточной Руси съ Западной Европой, но татарское нашествіе должно было неизбѣжно прервать начавшіяся сношенія, и русскій книжникъ снова остался при своемъ старомъ матеріалѣ.

Теперь и спрашивается, какое настроеніе должно было развиваться у русскаго книжника при такихъ условіяхъ? Можно безъ особенныхъ натяжекъ отвѣтить, что настроеніе это должно было проявляться скорѣе центростремительно, нежели центробѣжно: помыслы человѣка, все болѣе суживаясь, постепенно сосредоточивались на своемъ „я“. Надо, впрочемъ, оговориться. Не слѣдуетъ придавать въ данномъ случаѣ абсолютное значеніе какъ тѣмъ условіямъ, которыя вызывали извѣстныя настроенія, такъ и этимъ послѣднимъ. И при такомъ настроеніи литературное развитіе все же продолжалось, и мы не мо-

жемъ говорить о какомъ-либо перерывѣ его: оно лишь становилось временами слабѣе, или принимало особое направленіе. Я имѣю въ виду лишь выяснить ту обстановку, которая въ извѣстное время могла вызывать къ жизни разслѣдуемую мною особенность русской литературы т. е. стремленіе къ личному совершенствованію.

Выше я поставилъ вопросъ о значеніи татарскаго ига для русской литературы, вопросъ, который различными изслѣдователями рѣшался различно. Но я касался только одной частности—значенія татарскаго владычества для рѣшенія вопроса о дѣленіи древне-русской литературы на періоды. Въ данномъ случаѣ послѣдняя сторона для насъ пока не существенна: какъ бы мы ни рѣшали ее, значеніе татарскаго нашествія будетъ одинаково въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ теперь ставится вопросъ. Здѣсь рѣчь идетъ о непосредственномъ вліяніи татарскаго господства на настроеніе русскаго человѣка, какъ въ отдѣльности на каждаго, такъ и на совокупность. Изъ сказаннаго выше ясно, что теперь можетъ идти рѣчь лишь о литературѣ сѣверо-восточной т. е. той, которая, ставъ сначала великорусской, обратилась вообще въ литературу русскую; къ этому времени литература юга, которая теперь могла бы уже называться южнорусскою, прекратила свое существованіе, или, точнѣе сказать, только что начала заявлять о своемъ существованіи, проявившись въ примѣси особенностей южнорусскаго т. е. галицко-волынскаго нарѣчія при перепискѣ книгъ церковно-богослужебнаго характера.

Я не нахожу нужнымъ давать въ настоящемъ случаѣ картину нашествія татаръ. Эти картины нарисованы современниками какъ своими, такъ и татарскими, и со словъ тѣхъ и другихъ учеными изслѣдователями въ достаточной степени выяснены внѣшнія подробности бѣдствія, постигшаго тогдашнюю Русь. Во всякомъ случаѣ, это было народное бѣдствіе; грубое насиліе, которому подвергалось населеніе, не могло, конечно, переноситься спокойно, не могло не отзываться тягостно на настроеніи русскаго человѣка. Намъ извѣстно, что опустошались цѣлыя области и разорялись города; жители бывали принуждены искать спасенія въ пещерахъ. Конечно, всѣ ужасы насилія имѣли мѣсто лишь при началѣ нашествія и повторялись въ случаяхъ повторительныхъ набѣговъ; но и промежутки между ними не были свободны отъ непосредственныхъ результатовъ ихъ. Если въ моментъ нашествія или набѣга русскому человѣку представлялось только одно—какъ-нибудь спасти свою жизнь, то, когда проходилъ непосредственный ужасъ, тогда наступало время для осмы-

сленія и объясненія только что пережитаго ужаса, и это время могло быть не менѣе тягостнымъ, чѣмъ непосредственный ужасъ. Постоянный видъ врага-басурмана, естественно, долженъ былъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ. Разсказы о тѣхъ притѣсненіяхъ и униженіяхъ, которыя терпѣли князья, пріѣзжавшіе въ орду на поклонъ хану, должны были заставить скорбѣть душой русскаго патріота и горевать за униженіе христіанской вѣры. Особенно нужно имѣть въ виду, что такое положеніе имѣло мѣсто не годъ, не два и не одинъ десятокъ лѣтъ, но до двухъ столѣтій. Цѣлыя поколѣнія нарождались и умирали, будучи въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, переживая одно и то же настроеніе и не видя исхода ниспосланному наказанію. Съ самаго ранняго дѣтства русскій человѣкъ видѣлъ воочію слѣды безправія и временами жестокости татарской и отъ своихъ старшихъ слышалъ разсказы объ еще большихъ бѣдствіяхъ, пережитыхъ ими, разсказы, въ которыхъ, конечно, не жалѣлось темныхъ красокъ. Съ дѣтства онъ привыкъ слышать о „зломъ“ татаринѣ, и въ его умѣ складывалось убѣжденіе въ неизбѣжности „басурманскаго“ господства. Когда онъ, приходя въ возрастъ, хотѣлъ обратиться за утѣшеніемъ къ церкви, то съ церковнаго амвона онъ слышалъ увѣреніе, что постигшее его бѣдствіе есть наказаніе Божіе за грѣхи, и слышалъ призывъ покаяться и исправиться. Но какъ онъ могъ покаяться и исправиться? Онъ могъ идти по обычному пути, по которому шли старшія его поколѣнія и который рекомендовали ему его учители, т. е. молитвы, соблюденіе обрядовъ и, въ крайнемъ случаѣ, поступленіе въ монастырь. Онъ, конечно, такъ и дѣлалъ. Поступалъ такъ и простой, неграмотный, поступалъ такъ и начитанный книжникъ. Понятно, что указанная сторона общественнаго состоянія не дѣйствовала одинаково на всѣхъ: у однихъ, можетъ быть, развивалась удаль въ борьбѣ съ постояннымъ врагомъ, но у большинства постоянная опасность, постоянный страхъ за свою жизнь, за себя, за свою семью, съ одной стороны, и постоянные призывы къ покаянію, съ другой, не могли не способствовать выработкѣ особеннаго сосредоточеннаго настроенія, сознанія въ нѣкоторой степени своей безпомощности передъ внѣшней силой и единственнаго утѣшенія въ заботахъ о своей душѣ. Если при этомъ другія условія не были благопріятны для развитія жизнерадостности, то разсматриваемое уже и подавно не могло благопріятствовать жизнерадостному взгляду на жизнь.

Посмотримъ на другія условія жизни тогдашняго времени. Было уже указано, что въ это время начинаетъ развиваться мѣстная по-

литическая жизнь, проникнутая узкимъ патріотизмомъ. Князья завели борьбу между собой за удѣлы, призывали себѣ на помощь татаръ, разоряли города и избивали населеніе. Жители вмѣшивались въ эту борьбу и проникались такими же мѣстными интересами, и какой-нибудь владимірецъ непріязненно относился къ новгородцу, а послѣдній платилъ первому той же монетой. Этотъ пунктъ самъ по себѣ очень сложный и особенно потому, что мы видимъ, какъ съ развитіемъ мѣстнаго патріотизма т. е., такъ сказать, съ сепаратическимъ стремленіемъ уживалось въ то же время самое глубокое,—не широкое, какъ въ предыдущую эпоху,—понятіе объ единствѣ Руси. Но теперь рѣчь идетъ не о томъ, и для разслѣдуемаго вопроса эта сторона значенія не имѣетъ. Рѣчь идетъ о томъ, какъ могли дѣйствовать на настроеніе русскаго человѣка постоянныя распри между собой удѣльныхъ князей.

Удѣльный періодъ русской исторіи имѣлъ свое значеніе для послѣдней. Въ послѣднее время этотъ періодъ, бѣдный выдающимися фактами, разсматривается какъ такой, когда зарождались тѣ элементы, которые получили свое развитіе въ послѣдующее время. Такимъ же образомъ долженъ разсматриваться этотъ періодъ и въ исторіи русской литературы. Это была своего рода лабораторія, когда получали свое выраженіе, сначала не вполнѣ ясное, тѣ характерныя черты, которыя столь ясно обнаружились въ періодъ Московскаго государства. Любопытно здѣсь то, что литература этого періода, хотя и слѣдуетъ за политическою жизнью, но нѣсколько своеобразно, такъ что съ перваго взгляда можетъ показаться, что, наоборотъ, литература и политическая жизнь стоятъ другъ къ другу даже въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Но это можетъ такъ показаться лишь на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ и здѣсь мы видимъ два стремленія — центробѣжное и центростремительное. Если, съ одной стороны, мы наблюдаемъ стремленіе къ мелкой самостоятельности удѣльныхъ единицъ, то съ другой—крѣпнетъ и развивается теоретическая мысль объ единствѣ Руси, мысль, которая практически мало-помалу воплощается въ Московскомъ государствѣ. Но въ данномъ случаѣ эта сторона насъ не касается; выработка указанной идеи шла независимо отъ другихъ сторонъ жизни. Настоящая сторона есть сторона политическая, а мы имѣемъ въ виду сторону общественную, тѣ условія, при которыхъ вырабатывались извѣстныя воззрѣнія,—не политическія, а общественныя, и притомъ въ очень опредѣленномъ направленіи. Но если для насъ не имѣетъ значенія идея единства Руси, какъ продуктъ удѣльной жизни, то сама эта жизнь, характеризуемая постоянной борьбой

удѣльныхъ князей между собою, имѣетъ свое значеніе постольку, поскольку она наталкивала тогдашняго русскаго человѣка на извѣстное настроеніе. Какое же можетъ быть это настроеніе?

А priori можно сказать, что общественно-политическая жизнь удѣльнаго періода не могла развивать жизнерадостный взглядъ. При видѣ княжеской междоусобной борьбы, въ которую втягивалось и само населеніе, русскій человѣкъ долженъ былъ испытывать приблизительно то же, что и при видѣ татарскаго господства и татарскихъ нашествій. Постоянныя распри князей отрывали русскаго человѣка отъ мирной жизни и мирной работы. Сегодня приходилось идти на битву за дядю, завтра за племянника; сегодня приходилось убѣгать отъ татарина, завтра вмѣстѣ съ этимъ татариномъ—идти противъ своего брата. Княжества дробились, кругозоръ русскаго человѣка уменьшался, и интересы мельчали. У насъ нѣтъ, конечно, документальныхъ данныхъ, которыя говорили бы прямо объ угнетающемъ дѣйствіи на русскаго человѣка удѣльныхъ распрей, но мы можемъ заключать о такомъ именно дѣйствіи, такъ сказать, изъ отрицательныхъ посылокъ, изъ того, что эти удѣльныя распри не вызывали ни героическихъ сказаній ни пѣсенъ; подъема духа отъ постоянной борьбы князей мы не видимъ. Но изъ послѣдующихъ событій, наоборотъ, мы видимъ, что на борьбу князей между собой русскій человѣкъ не смотрѣлъ какъ на доблесть или подвигъ. Эти распри русскихъ князей сѣверовостока должны были производить такое же тяжелое дѣйствіе на русскаго человѣка, какъ и столѣтіями раньше распри князей всей Руси на автора Слова о полку Игоревѣ. Различіе въ томъ только, что настроеніе послѣдняго выражалось въ скорби патріота, а у первыхъ—въ скорби христіанина; у послѣдняго наблюдаемъ широкій размахъ поэта-патріота, у первыхъ—сосредоточенное чувство узко-христіанской морали. Но и у тѣхъ, и у другого одинаково—внутренняя скорбь по поводу всего происходящаго на ихъ глазахъ.

Итакъ мы имѣемъ уже два фактора, которые должны были отражаться на настроеніи массы. Понятно, что въ данномъ случаѣ подъ массой нужно разумѣть какъ выдѣляющихся изъ безразличной массы т. е. людей грамотныхъ и начитанныхъ, такъ и простую массу въ узкомъ смыслѣ слова. Простая неграмотная масса подвергалась удручающему вліянію современныхъ событій непосредственнѣе, но менѣе имѣла возможности отозваться на нихъ какъ-либо реально; для нея оставалось только одно—сокрушеніе сердца и покорность судьбѣ. Но послѣднее состояніе роднило ее, съ одной стороны, съ тѣмъ классомъ,

который, не отдѣляясь отъ нея какими-либо идейными признаками болѣе широкаго умственнаго горизонта, могъ въ случаѣ нужды прибѣгнуть къ книгѣ. Какое же дѣйствіе производили на указанный классъ русскаго народа новыя событія въ жизни сѣверовостока? Можно напередъ сказать, что то же самое дѣйствіе, и можно настоящій вопросъ только лишь расширить присоединеніемъ побочныхъ вопросовъ, именно—что находилъ въ своей письменности—переводной и самостоятельной—грамотный русскій человѣкъ? усиливала ли эта письменность его тяжелое настроеніе или уменьшала? Вопросы эти—большой важности, но точный отвѣтъ дать на нихъ было бы затруднительно въ виду недостаточной еще разработки тогдашней литературы. Отвѣтить можно будетъ лишь приблизительно, но и приблизительный отвѣтъ все же будетъ клониться въ сторону признанія за тогдашней литературой доли того настроенія, которое охватывало русскаго человѣка при наблюденіи окружающей жизни. Въ этотъ періодъ вращалась, прежде всего, старая переводная литература, не вносившая ничего новаго въ міросозерцаніе и настроеніе. Конечно, не надо думать, что вся эта литература сама по себѣ направлялась къ тому, чтобы вселить въ душу читателя угнетенное настроеніе, но если мы возьмемъ церковную литературу, то можемъ во всякомъ случаѣ сказать, что она не обладала свойствомъ развивать жизнерадостный взглядъ на жизнь и большой интересъ къ общественнымъ и политическимъ дѣламъ. Оставляя въ сторонѣ чисто богословскую литературу, можно сказать, что и остальная, главнымъ образомъ повѣствовательно-легендарная, отличалась одностороннимъ характеромъ. Здѣсь не мѣсто касаться причинъ, вызвавшихъ именно эту литературу, а не другую; если она и была вызвана въ свое время особыми историческими условіями, то теперь эти условія могли бы и не имѣть мѣста; но другія историческія условія дѣлали то, что она оставалась съ тѣмъ же преобладающимъ характеромъ, а послѣдній можетъ быть названъ, пожалуй, аскетическимъ въ смыслѣ вкорененія убѣжденія въ необходимости покорности воли Божіей. Эта литература была занимательна по содержанію: она была наполнена разсказами, часто полными большого интереса; историческій разсказъ переплетался съ сказочными сюжетами и легендарными повѣстями. Она могла служить занимательнымъ чтеніемъ, потому что въ рядѣ случаевъ она повторяла то, что извѣстно было и на западѣ, гдѣ то же содержаніе, однако, постепенно приняло форму исключительно свѣтской литературы. При другихъ условіяхъ то же положеніе, пожалуй, стало бы наблю-

даться и у насъ, но когда прервалось естественное развитіе этой литературы въ концѣ XII вѣка и когда съ XIII вѣка литературѣ снова пришлось искать себѣ путей образованія, она не пошла тѣмъ путемъ, какимъ она шла на западѣ, и приняла своеобразное направленіе. Будучи занимательнымъ чтеніемъ, удовлетворяя простой любознательности тогдашняго читателя, она вводила послѣдняго, однако, въ кругъ очень опредѣленныхъ интересовъ, лежащихъ внѣ общественной жизни и заставляющихъ его замыкаться въ мысли о необходимости подчинять свою волю велѣніямъ свыше.

Характернымъ примѣромъ такого отношенія къ литературѣ можетъ служить, напримѣръ, Исторія Александра Македонскаго, такъ называемая Александрія. Эта очень обширная и занимательная повѣсть, переведенная съ греческаго языка, разсказывала о подвигахъ Александра, переплетая во II части разсказы о подвигахъ съ перипетіями любви къ прекрасной Роксанѣ. Въ XIII вѣкѣ эта повѣсть подъ рукой русскаго книжника подверглась переработкѣ и въ послѣдней части приняла элегическій тонъ. Правда, этотъ тонъ былъ намѣченъ уже въ оригиналѣ, но любопытно то, что русскій книжникъ понялъ его настолько вѣрно, что усиленіе его проведено черезъ всю повѣсть съ замѣчательною послѣдовательностью. Этотъ элегическій тонъ сопровождается сознаніемъ авторомъ тщеты міра. Александръ проходитъ черезъ рядъ препятствій, совершаетъ различные сказочные подвиги, какъ восхожденіе на небо или испытаніе морской глубины, но всѣ эти разсказы авторъ снабжаетъ своими краткими замѣчаніями, которыя, несмотря на всю свою краткость, характерны именно въ томъ отношеніи, что ярко живописуютъ настроеніе и взглядъ самого автора. Александръ дѣлается все большимъ и большимъ властелиномъ міра, но по мѣрѣ того какъ онъ имъ дѣлается, съ половины повѣсти, въ его сердце все болѣе и болѣе закрадывается мысль о ничтожности міра; онъ все больше и больше задумывается надъ тщетой внѣшняго міра. Съ особеннымъ интересомъ онъ бесѣдуетъ съ такъ называемыми Рахманами т. е. съ брахманами, которые стоятъ въ сторонѣ отъ всякой общественной жизни и которые выражаютъ свою мораль словами: „многіе люди, ища себѣ славы, погубили свою жизнь“. И Александръ въ концѣ концовъ умираетъ съ сознаніемъ своего безсилія и ничтожества передъ божествомъ и даетъ какъ бы завѣщаніе, чтобы не увлекались слишкомъ земнымъ, такъ какъ придется все оставить.

Таково настроеніе повѣсти, которая въ данномъ случаѣ тѣмъ ха-

рактернѣе, что она не принадлежитъ къ разряду произведеній съ ярко-выраженнымъ церковно-поучительнымъ характеромъ. Кто ее обрабатывалъ, духовное ли лицо или свѣтское, остается неизвѣстнымъ, какъ неизвѣстны обыкновенно авторы древне-русскихъ произведеній. Но въ данномъ случаѣ намъ это безразлично. Мы видимъ только, что авторъ очень начитанный въ тогдашней литературѣ человѣкъ и не лишенный литературнаго таланта. Тѣмъ характернѣе, слѣдовательно, является его произведеніе. Оно и другія, подобныя ему, указываютъ, что русскій читатель, а онъ же и книжникъ, былъ настроенъ такъ, что его болѣе интересовалъ внутренній міръ человѣка, нежели внѣшній, что его мораль клонилась болѣе къ наблюденію за совершенствованіемъ душевной жизни, нежели къ преслѣдованію интересовъ общественнаго характера. Но это не былъ аскетизмъ, признаки котораго обнаруживались нѣсколько позднѣе и который проповѣдывался, напримѣръ, въ средневѣковой Европѣ. Аскетизмъ былъ явленіемъ случайнымъ, и проповѣдь его, если тогда и могла наблюдаться, то дальше обычныхъ предписаній общехристіанскаго характера не шла. Даже нѣсколько позднѣе, когда можно говорить о направленіи аскетическомъ, даже и тогда аскетизмъ принималъ своеобразное направленіе, которое нисколько не вяжется съ нашимъ обычнымъ представленіемъ объ аскетизмѣ вообще. Въ разсматриваемый же періодъ, т. е. въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка, нѣтъ и рѣчи объ аскетизмѣ. Но всѣ условія, положительныя и отрицательныя, клонились къ тому, что у русскаго человѣка должно было развиваться скорѣе самонаблюденіе, нежели интересъ къ общественной жизни. Когда лебединой пѣснью прозвучало въ половинѣ XIII вѣка „Сказаніе о погибели земли русской“, тогда русскій человѣкъ сталъ замыкаться въ самого себя. Я сказалъ выше, что въ этотъ періодъ или даже вообще въ періодъ литературы сѣверовостока творчество русскаго книжника развивалось довольно своеобразно, именно—въ направленіи техники переработки, и это, конечно, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ жизни еще не проявились общественные интересы, которые вытѣснили бы собой своеобразный способъ приложенія своихъ силъ къ литературной обработкѣ. Внѣшнія условія, какъ татарское бѣдствіе и междуусобія князей, какъ бы заставляли русскаго книжнаго человѣка искать себѣ нравственнаго успокоенія въ тихой работѣ надъ книгой. И если это не былъ лѣтописецъ, то, задавъ себѣ вопросъ, надъ чѣмъ же могъ бы работать тогдашній книжникъ, къ чему онъ могъ бы приложить свои скромныя силы, мы могли бы съ большимъ правомъ отвѣтить, что

ему и не оставалось ничего иного, какъ перечитывать и передѣлывать старую литературу. При этомъ и развивалась своеобразная техника переработокъ, которая является причиной трудности разработки тогдашнихъ памятниковъ литературы. Но этотъ способъ суживалъ кругозоръ и книжника—читателя и книжника—писателя. Мысль вращалась въ очень ограниченномъ кругу интересовъ, а эти интересы сосредоточивались на духовномъ мірѣ человѣка, и въ результатѣ всѣхъ такихъ условій и было то, что русскій человѣкъ и тутъ замыкался въ узкій кругъ около своего „я“.

До сихъ поръ я говорилъ болѣе объ обстановкѣ, въ которой проявлялись признаки извѣстнаго настроенія и направленія, нежели о самихъ литературныхъ произведеніяхъ. Причина проста: мы не имѣемъ въ этой области какихъ-либо новыхъ, самостоятельныхъ ли или заимствованныхъ, литературныхъ произведеній, которыя бы ярко свидѣтельствовали о сознательномъ стремленіи къ извѣстному направленію, напримѣръ, хотя бы къ такому, которое мною названо стремленіемъ къ личному нравственному самоусовершенствованію. Пока люди живутъ еще въ сферѣ старой литературы, а дѣйствительная жизнь пока является лабораторіей, въ которой люди медленно настраиваются на самонаблюденіе. Я сказалъ выше, что въ этой лабораторіи вырабатывались и идеи общественнаго характера, проявившіяся нѣсколько позднѣе; подобно этому, и по отношенію къ выработкѣ извѣстной психической организаціи, мы должны смотрѣть на данный періодъ, XIII—XIV вв., какъ на такой, когда складывалось и укрѣплялось извѣстное психическое состояніе человѣка, то состояніе, которое также нѣсколько позднѣе, когда жизнь вызвала новыя событія, было настолько уже окрѣпшимъ, что уже ясно показало, въ чемъ можно видѣть исключительную особенность тогдашней литературы.

Очень важнымъ съ избранной точки зрѣнія является XIV вѣкъ, но я уже разсматривалъ его однажды, въ „Изслѣдованіяхъ въ области древнерусской литературы“, и повторять теперь нѣтъ нужды. Остановлюсь лишь на выводахъ изъ историческихъ фактовъ. Во второй половинѣ XIV в. въ умственной жизни русскаго человѣка происходитъ новое движеніе, какого не зналъ предшествующій періодъ. Начинается протестъ противъ существующаго порядка въ области церковно-религіозной. Противъ господствующаго ученія начинаютъ раздаваться возгласы сомнѣнія, все пока идетъ нѣсколько хаотически. Но для насъ важно лишь то, что движеніе съ признаками протеста, начавшееся среди массы, захватываетъ постепенно и широкій кругъ.

Очевидно, толчокъ не прошелъ даромъ. Подъ вліяніемъ бѣдствій, вмѣстѣ съ убѣжденіями покоряться волѣ Божьей, нарождаются признаки сомнѣнія и колебанія въ истинности тѣхъ началъ, которыя проводились и оправдывались учителями церкви. Часть общества молчаливо задаетъ вопросъ о возможности идти по другому пути къ спасенію, нежели тотъ, который до сихъ поръ практиковался; другая часть открыто вольнодумствуетъ и протестуетъ. И вотъ во время такого состоянія умовъ начинаетъ появляться мало-по-малу новая переводная литература, которая частью совпадаетъ съ новымъ настроеніемъ части русскаго общества, а частью говоритъ ей о чемъ-то новомъ, до сихъ поръ неизвѣстномъ. Она говоритъ русскому человѣку, при всемъ своемъ свободомысліи, стоявшему на почвѣ твердой вѣры, что есть иной путь ко спасенію, путь болѣе интересный, какъ приводящій человѣка въ непосредственную близость съ божествомъ. Разумѣется, такое совпаденіе сложившагося настроенія русскаго человѣка съ чужой литературой немедленно произвело свои слѣдствія. Это относится уже къ XV вѣку.

Какого же рода была новая литература и какое дѣйствіе она производила на русскаго человѣка, уже подготовленнаго къ извѣстному настроенію? Это была мистическо-аскетическая литература, съ появленіемъ которой начинается у насъ особое явленіе, дошедшее и до нашихъ дней. На длинномъ пути своей исторіи оно переживало не разъ различныя видоизмѣненія, принимало иногда такую форму, которая удаляла его отъ его первичной основы, но по существу оно оставалось всегда одно и то же. Мистицизмъ, охватывавшій по временамъ русское общество, не можетъ, конечно, разсматриваться отдѣльно отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ и литературныхъ условій: онъ былъ такимъ же культурно-историческимъ явленіемъ, какъ и другія проявленія умственной и душевной жизни русскаго общества. Онъ то ослабѣвалъ, то усиливался, его ослабленіе и усиленіе находились, конечно, въ связи съ разнообразными другими условіями, то способствовавшими его усиленію, то ослаблявшими его. Прослѣдить его эволюцію отъ XIV вѣка вплоть до Владиміра Соловьева, установить, насколько онъ является присущимъ русской жизни и литературѣ, разъяснить, какъ этотъ мистицизмъ, ставившій своею цѣлью личное нравственное самоусовершенствованіе, приводилъ въ разное время въ разныхъ слояхъ общества къ различнымъ результатамъ— задача очень интересная, но въ то же время и очень трудная. Его проявленія чрезвычайно разнообразны. Однихъ онъ побуждаетъ уда

ляться отъ всякой общественной дѣятельности, другихъ, наоборотъ, побуждаетъ къ ней. Однихъ онъ заставляетъ устремлять всѣ свои силы на улучшеніе своего личнаго „я“, удерживая ихъ на высокой ступени христіанскаго ученія, понимаемаго духовно; другихъ онъ толкаетъ на путь изувѣрства и тѣлесныхъ страданій, вплоть до самосожженія. Все это недостаточно еще изучено и не приведено въ извѣстность. Собственно говоря, въ разныхъ изслѣдованіяхъ мы можемъ найти замѣчанія о томъ, какъ проявлялось извѣстное настроеніе, которое мы можемъ возвести въ извѣстной степени къ мистицизму, но все это не приведено въ систему и не прослѣжено хронологически. Цѣлый рядъ вопросовъ остается еще не разрѣшеннымъ, и при томъ такихъ вопросовъ, которые могутъ имѣть общее значеніе не только для обозрѣнія исторіи русской литературы, но и для постановки болѣе отвлеченныхъ задачъ, въ родѣ вопроса о научной цѣнности тѣхъ или другихъ общественно-психологическихъ проблемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго, напримѣръ, между Ниломъ Сорскимъ, Новиковымъ, Николаемъ Тургеневымъ, Львомъ Толстымъ и Владиміромъ Соловьевымъ? А между тѣмъ всѣ они могутъ быть сближены на основаніи тѣхъ или другихъ проявленныхъ ими своихъ характерныхъ чертъ. Но если мы и сблизимъ ихъ, то этимъ вопросъ еще не разрѣшится, такъ какъ намъ, какъ историкамъ литературы, важенъ не столько конечный результатъ, сколько самый процессъ развитія тѣхъ или другихъ положеній. Но этотъ процессъ часто бываетъ скрытъ въ нѣдрахъ душевной жизни и не всегда доступенъ разслѣдованію. Въ то же время обычный путь изслѣдованія—путь историко-литературныхъ изысканій—обыкновенно увлекаетъ въ сторону исторической постановки вопроса, вслѣдствіе чего психологическая сторона остается въ тѣни. Понятно, что историко-литературной стороной пренебрегать нельзя, объ этомъ приходилось уже не разъ говорить. Трудность заключается въ томъ, что у насъ въ Россіи различныя культурно-историческія явленія развивались своеобразно, скачками, будучи въ сильной зависимости отъ западныхъ вліяній, и часто мы находимся въ затрудненіи, какъ связать два однородныхъ явленія, раздѣленныхъ между собой извѣстнымъ пространствомъ времени. Возьмемъ для примѣра исторію русскаго театра. Въ изслѣдованіяхъ о немъ можно усмотрѣть желаніе связать между собою различные моменты его исторіи, но это желаніе сводится къ тому, что за первой главой слѣдуетъ вторая, за второй—третья и т. д. Но связать такъ, чтобы одно проявленіе логически и хронологически вытекало изъ другого, обыкно-

венно не удается. Въ самомъ дѣлѣ, первой ступенью драматическихъ представленій считаются народныя представленія, выродившіяся изъ религіозныхъ обрядовъ. Постепенно эти народныя представленія осложняются различными сказаніями, а съ развитіемъ письма и литературы подвергаются уже письменной литературной обработкѣ. Такъ обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ происходитъ органическое развитіе театра. Не то было у насъ. И у насъ были народные религіозные обычаи, носившіе характеръ театральныхъ представленій, но когда мы захотимъ говорить о театрѣ, то прямо должны начать, что вотъ въ такомъ-то году при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ устроенъ театръ, гдѣ стали даваться представленія переводныхъ піесъ. Въ такомъ же духѣ придется вести рѣчь и о дальнѣйшихъ стадіяхъ театра, напримѣръ, при Елизаветѣ.

Это одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ затруднительно прослѣживать въ русской литературѣ эволюцію того или другого явленія. Какъ будто дѣло обстоитъ такъ же и въ данномъ случаѣ. Мы имѣемъ теперь въ XV вѣкѣ дѣло съ мистическо-аскетическимъ настроеніемъ; главный элементъ здѣсь—мистицизмъ, выражавшійся въ извѣстныхъ формахъ. Онъ имѣетъ мѣсто и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ до его половины; затѣмъ онъ сходитъ со сцены, наступаетъ своеобразная эпоха XVII вѣка, гдѣ мистицизму не было мѣста. Это была эпоха борьбы стараго съ новымъ, но борьбы очень своеобразной. Въ результатѣ оказалось, что вся передовая тогдашняя Россія боролась между собой не за старину или новизну, а лишь за характеръ новизны, но именно новизны, а не старины. Только лишь на поверхностный взглядъ выходило, что одна партія тянетъ къ Византіи т. е. какъ будто къ старинѣ; на самомъ же дѣлѣ всѣ борющіеся стараются раздѣлаться съ своей стариной, защитниками которой выступаетъ теперь особая партія, извѣстная подъ именемъ раскольниковъ. Въ этой кипучей жизни и ожесточенной борьбѣ, въ которой вслѣдъ за книжными людьми принялъ участіе весь народъ, мистическому настроенію, конечно, не было мѣста. Мы дѣйствительно и не замѣчаемъ признаковъ его проявленія. Конечно, мы при этомъ должны оставить пока въ сторонѣ ученіе раскола, въ которомъ доля мистицизма, несомнѣнно, была. Объ этомъ будетъ идти рѣчь дальше. Но мы теперь начинаемъ имѣть дѣло съ особымъ классомъ, который уже выдѣляется изъ безразличной массы и который далѣе исключительно и будетъ занимать наше вниманіе. Вотъ въ этомъ-то классѣ мы и не замѣчаемъ въ XVII вѣкѣ наклонности къ мистическому настрое-

нію т. е. наклонности заниматься больше своимъ „я“, нежели окружающей жизнью. Еще менѣе мы видимъ проявленіе этой наклонности въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху Петровскихъ реформъ. При всей подготовленности русской жизни къ реформамъ все же послѣднія принесли съ собой такъ много новаго, что захватили все вниманіе русскаго человѣка, и ему въ собственномъ смыслѣ некогда было подумать о себѣ самомъ. Такъ прошла первая половина XVIII вѣка. Но вотъ со второй половины его мы встрѣчаемся съ очень крупнымъ явленіемъ въ русской историко-культурной жизни—съ масонствомъ, которое есть какъ бы возрожденное мистическое направленіе, къ которому мы подошли въ концѣ XIV вѣка. Въ свое время мы увидимъ, насколько масонство имѣло значеніе для опредѣленія настроенія лучшихъ людей XVIII в. и первой половины XIX, а теперь останавливаться на немъ преждевременно. Но мы хорошо знаемъ, что масонство, какъ таковое, пришло къ намъ съ чужой стороны, какъ съ чужой стороны, съ востока и юга, пришелъ къ намъ и мистицизмъ XIV—XV вв. Мы видимъ далѣе, что масонство такъ усваивается лучшими людьми XVIII—XIX вв., что переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и новыя поколѣнія проявляютъ въ своей жизни лучшія стороны масонства, вовсе не думая о томъ, что они слѣдуютъ въ данномъ случаѣ чужимъ образцамъ, подобно тому какъ и тремя столѣтіями раньше русскіе люди, слѣдуя мистическому ученію, вовсе не думали о томъ, что начало ихъ ученія является заимствованнымъ. Исторія масонства на Руси представляетъ не мало затрудненій даже съ исторической стороны, еще болѣе оно не выяснено со стороны психологической. Касаться той и другой стороны пока еще преждевременно. Но положимъ, что мы выяснимъ себѣ и ту, и другую сторону; положимъ, намъ будетъ ясна какъ историческая обстановка, такъ и, по выраженію Овсянико-Куликовскаго, душевный укладъ тѣхъ поколѣній, которыя жили подъ вліяніемъ масонскихъ воззрѣній, т. е. будетъ ясна психическая организація, которая дѣлала извѣстныя поколѣнія воспріимчивыми къ мистическому элементу, отличавшему масонство, и положимъ, что все это мы выяснимъ. Тогда предстоитъ самая трудная задача—опредѣлить генетическую связь мистическаго настроенія двухъ эпохъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга тремя столѣтіями. Въ обѣ эпохи устремляется вниманіе человѣка на свой внутренній міръ, на свое собственное „я“, и въ обѣ эпохи ставится одна цѣль—личное нравственное совершенствованіе. Въ обѣ эпохи *своимъ* является только обстановка, а само ученіе приходитъ съ чужой стороны; но въ обѣ эпохи одно и то же ученіе объективируется

и дѣлается также своимъ. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ же объяснить такое совпаденіе? Можно ли объяснить это какимъ-либо прирожденнымъ свойствомъ русской національности, свойствомъ русскаго человѣка заниматься болѣе своимъ „я“, нежели окружающимъ міромъ? Можно ли думать, что стоитъ лишь условіямъ внѣшней жизни принять соотвѣтствующее направленіе, какъ особенности, лежащія гдѣ-то въ глубинѣ души, выйдутъ наверхъ и получатъ преобладающее значеніе? Историкъ литературы не можетъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ, но будетъ доискиваться проявленія признаковъ традиціи. Для психолога послѣдняя сторона не будетъ играть существенной роли. Для него два лица различныхъ эпохъ, XV и XVIII вѣковъ, будутъ совершенно однозначущія явленія, разъ они проявляютъ одинаковый объектъ его наблюденій. Если эти два лица, поставленныя въ различныя историческія условія, обнаруживаютъ одинаковое свойство, то послѣднее и является объектомъ его изученія, и ему нѣтъ дѣла до промежуточныхъ ступеней, разъясненіе которыхъ составляетъ особенный предметъ интересовъ для историка литературы. Если мы въ данномъ случаѣ сопоставляемъ два явленія русской духовной жизни и находимъ между ними извѣстное сродство, то, обрисовавъ психическую организацію поколѣній, участвовавшихъ въ томъ и другомъ явленіи, и удовлетворивъ этимъ требованія психологіи, мы встрѣчаемся тогда съ требованіями историка литературы. Требованія послѣдняго сведутся въ данномъ случаѣ къ тому, чтобы прослѣдить, въ чемъ выражалась все-таки жизнь стараго направленія, которое на первый взглядъ какъ бы замерло на цѣлыхъ два столѣтія; или иначе, требованія историка литературы сведутся къ выясненію проявленія закона традиціи. Историкъ литературы поставитъ вопросъ, не можемъ ли мы по какимъ-нибудь даннымъ прослѣдить, что старое мистическое настроеніе, ярко выразившееся въ XIV—XV вѣкахъ и какъ бы затѣмъ замершее вплоть до половины XVII в., на самомъ дѣлѣ не умирало совершенно, но продолжало жить незамѣтно, переходя отъ одного поколѣнія къ другому по закону преемственности незамѣтно для самихъ носителей даннаго направленія? Вотъ рѣшеніе этого-то вопроса и является не изъ легкихъ, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, къ числу которыхъ относится, прежде всего, недостаточная разработанность какъ самого историко-литературнаго матеріала такъ и общественной психологіи. И хотя я говорилъ, что въ данномъ изложеніи насъ интересуетъ именно сторона психологическая, однако я указывалъ, что для болѣе правильнаго

освѣщенія изслѣдуемаго факта историкъ литературы не можетъ совершенно игнорировать и требованія своей науки. Если у него даже не окажется въ данный моментъ необходимаго для рѣшенія вопроса матеріала, то и тогда онъ долженъ поставить, по крайней мѣрѣ, опредѣленныя задачи для будущаго рѣшенія.

Я возвращаюсь къ поставленному выше положенію о нѣкоторыхъ особенностяхъ развитія русской литературы и долженъ сказать, что я намѣренно оставилъ на время историческое изложеніе и опять вторгся въ область методологіи. Говоря объ особенностяхъ русской литературы, а именно о проявляющемся въ ней стремленіи къ личному нравственному совершенствованію, мы стояли до сихъ поръ на почвѣ общихъ положеній, обусловливаемыхъ какъ историческими условіями русской жизни, такъ и литературой общеморальнаго направленія. Теперь приходится имѣть дѣло уже съ ярко очерченнымъ направленіемъ, и мы поневолѣ стремимся опредѣлить, какъ это направленіе видоизмѣнялось на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, прежде чѣмъ дойти до „проблемъ идеализма“, разрабатываемыхъ московской школой. Но въ силу указанныхъ условій развитія вообще русской жизни, умственной и общественной, намъ всегда приходится имѣть дѣло съ періодами сильнаго возбужденія т. е. съ какими-то скачками. Нигдѣ, быть можетъ, общественная жизнь не выражается въ смѣнѣ возбужденія и упадка, какъ у насъ въ Россіи, и это наблюденіе можетъ имѣть мѣсто не только въ новое время, но и въ древнее. Благодаря такому специфическому свойству русской жизни, этому постоянному чередованію процвѣтанія и прозябанія, и бросаются въ глаза эти контрасты. Но такъ какъ наука слѣдитъ обыкновенно за проявленіемъ развитія, а не упадка, то и предметомъ нашихъ наблюденій являются обыкновенно тѣ періоды, въ которыхъ наиболѣе сильно и ярко выражалось то или другое настроеніе, то или другое оживленіе. Эти періоды являются характерными и для историка литературы и для изслѣдователя общественной психологіи. Вслѣдствіе этого, и у читателя получается впечатлѣніе какой-то хаотичности, получается выводъ, что русская жизнь не подчиняется закону послѣдовательности и преемственности, а если и есть какая-нибудь закономѣрность, то она выражается, говоря парадоксально, въ послѣдовательной смѣнѣ безпорядка, т. е. существуетъ закономѣрность въ непослѣдовательности. Въ этомъ есть, несомнѣнно, и затруднительная сторона какъ изученія литературы такъ и изображенія ея исторической жизни, а вмѣстѣ съ этимъ связывается и затруднительная сторона опредѣленія

ея основныхъ свойствъ. Особенно эти неблагопріятныя условія имѣютъ мѣсто въ исторіи нашей литературы, гдѣ постоянно приходится имѣть дѣло съ чужой литературой, и гдѣ, поэтому, необходимо лавировать между чужимъ вліяніемъ и своимъ собственнымъ настроеніемъ, и гдѣ ставится задача опредѣлить, какую форму это чужое вліяніе приняло подъ своимъ настроеніемъ. Мы имѣемъ примѣры, какъ иногда чужое ученіе такъ передѣлывалось сообразно съ настроеніемъ русскаго человѣка, что становилось неузнаваемымъ. Здѣсь и смѣшиваются интересы психолога и историка литературы: историкъ литературы обрисуетъ внѣшнюю обстановку и прослѣдитъ ея возникновеніе и развитіе, психологъ же построитъ свою теорію о преобладающихъ свойствахъ извѣстнаго поколѣнія или даже цѣлаго ряда поколѣній. Какъ примѣръ, я могу указать, что, на основаніи историко-литературныхъ матеріаловъ, психологами дѣлаются попытки обрисовывать психологію нашихъ праведниковъ, а это, конечно, есть частичка психологическаго состоянія самого общества.

Когда мы говоримъ о мистическомъ направленіи XIV — XV вѣка, то, конечно, не должны думать, что только оно одно и имѣло тогда мѣсто, подобно тому какъ при изслѣдованіи мистическо-созерцательнаго направленія XVIII вѣка не должно думать, что оно только одно и владѣло русскимъ обществомъ. Какъ въ XVIII вѣкѣ, такъ и тремя столѣтіями раньше это направленіе было лишь однимъ изъ нѣсколькихъ направленій, существовавшихъ одновременно. По отношенію къ XVIII вѣку дѣло, конечно, обстоитъ нѣсколько иначе, чѣмъ по отношенію къ XIV—XV вѣкамъ. Въ первомъ случаѣ мы можемъ говорить о дѣйствительныхъ направленіяхъ, направленіяхъ литературныхъ, которымъ мы можемъ дать опредѣленное названіе. Мистическо-созерцательное направленіе скорѣе можетъ назваться извѣстнымъ настроеніемъ, нежели литературнымъ направленіемъ, подобно тому, какъ и вообще стремленіе къ личному нравственному совершенствованію будетъ скорѣе настроеніемъ, нежели опредѣленнымъ литературнымъ направленіемъ. Это настроеніе можетъ проникать въ любое литературное направленіе и никогда не будетъ претендовать на то, чтобы его ставили параллельно послѣднему. Такъ, при распространеніи мистическаго направленія въ XIV — XV вѣкахъ, исторія литературы отмѣчаетъ и другія направленія и останавливается на нихъ не менѣе, нежели на мистическо-аскетическомъ. Такъ, въ разныхъ книгахъ по исторіи литературы той эпохи мы найдемъ указанія на особую струю южно-славянскаго вліянія, выказавшагося во многихъ областяхъ;

исторія литературы отмѣчаетъ, что съ этого времени появляется особая школа агіографіи, начинается особая эпоха въ исторіи русскаго языка, съ половины XV вѣка начинается развитіе такъ называемой теоріи третьяго Рима и т. д. Понятно, что мы не можемъ требовать, чтобы каждое произведеніе разсматриваемой эпохи ярко выражало намъ то или другое направленіе, еще менѣе мы можемъ требовать, чтобы каждый памятникъ того времени давалъ намъ доказательства существованія самыхъ разнообразныхъ направленій. Это надо всегда имѣть въ виду, не только для древняго времени, но и для новаго и для новѣйшаго.

Въ настоящемъ случаѣ надо имѣть въ виду еще слѣдующее условіе. Мы разслѣдуемъ психологическую сторону настроеній, выражавшихся въ литературѣ, или психическое состояніе людей извѣстнаго періода, въ данномъ случаѣ—людей XIV—XV вѣка, и съ этой цѣлью останавливаемся, положимъ, на мистической литературѣ, которая даетъ намъ ясное доказательство интереса тогдашнихъ русскихъ людей къ самонаблюденію. Но съ точки зрѣнія психологической объектомъ разслѣдованія можетъ являться не только литература мистическо-аскетическая, но и всякая другая, а съ этимъ вмѣстѣ психолога можетъ интересовать и то направленіе, которое олицетворяется, напримѣръ, въ теоріи третьяго Рима. Эта теорія состояла въ томъ, что съ половины XV вѣка укрѣплялось въ умахъ русскихъ людей убѣжденіе, что Москва есть третій и послѣдній Римъ, что московское государство есть единственное православное государство и что московскій князь есть наслѣдникъ византійскаго царства и единственный православный царь во всемъ мірѣ. Эта теорія имѣла большое значеніе и проводилась и въ литературѣ. Конечно, изучая послѣднюю и вводя ее, такимъ образомъ, въ исторію литературы извѣстнаго періода, мы можемъ остановиться на психологической сторонѣ ея т. е. выяснить тотъ душевный укладъ, который имѣлъ мѣсто у людей, вѣровавшихъ въ эту теорію и проводившихъ ее въ литературу и жизнь. Подобнымъ же образомъ мы можемъ разсматривать и литературныя движенія позднѣйшаго времени, и причина такой не только возможности изученія тѣхъ литературъ, но и, пожалуй, необходимости — заключается въ томъ, что, во-первыхъ, литературныя направленія, будучи всегда разнообразны, переплетаются между собой, и, во-вторыхъ, въ томъ, что при изученіи всякаго литературнаго направленія можно отвлечься отъ исторической обстановки и остановиться на изображеніи душевнаго состоянія человѣка, пережившаго то или иное на-

строеніе. Говоря такъ, я имѣю въ виду предостеречь отъ неправильнаго взгляда, который можетъ получиться, если мы по какимъ-либо причинамъ ужъ очень сильно увѣруемъ въ одну какую-нибудь часть или сторону методологическаго ученія. Иначе говоря, изучая проявленіе одной какой-либо стороны въ исторіи литературы, мы никогда не должны забывать, что ею одной невозможно исчерпать все содержаніе изучаемой литературы. При изученіи, напримѣръ, литературы второй половины XVIII вѣка мы встрѣчаемся съ направленіемъ ложно-классическимъ, съ сатирой, съ обширнымъ переводнымъ романомъ, съ стремленіемъ къ народности, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что̀ издавна привыкли считать содержаніемъ литературы Екатерининскаго періода. Каждая изъ этихъ сторонъ можетъ служить предметомъ особаго изслѣдованія, и, разумѣется, изученіе одной стороны, безъ привлеченія другихъ, не будетъ претендовать на полноту. Но, разумѣется, отъ насъ же зависитъ поставить въ центрѣ изслѣдованія какую-либо опредѣленную сторону, если мы имѣемъ въ виду рѣшеніе опредѣленной задачи. Необходимо только, чтобы эта именно задача и имѣлась въ виду. Точно также, если мы ограничимся при обозрѣніи литературы XIV — XV ст. одной какой-либо стороной ея, напримѣръ, выдвигаемой нами въ настоящемъ случаѣ стороной мистическо-аскетической, то такое изложеніе не должно будетъ претендовать на названіе обозрѣнія исторіи литературы даннаго періода. Однако, и тутъ мы можемъ устремить свое вниманіе на одну эту именно сторону, привлекая другія стороны лишь по мѣрѣ надобности, смотря по тому, какая сторона насъ въ данный моментъ интересуетъ— сторона ли историко-литературная или психологическая.

Итакъ, обратимся теперь къ краткому обозрѣнію мистическо-аскетическаго настроенія. Мы уже видѣли, что въ концѣ XIV вѣка русскій человѣкъ былъ настроенъ такъ, что новое ученіе сразу пришлось ему по душѣ. Мы не можемъ, конечно, задаваться вопросомъ, принято ли было бы это ученіе, если бы внѣшнія условія были совершенно другія, не можемъ какъ потому, что вообще такой вопросъ неразрѣшимъ самъ по себѣ, а, во-вторыхъ, потому, что, какъ я уже говорилъ, всякое историко-литературное толкованіе болѣе или менѣе спекулятивно; оно не говоритъ намъ о сущности вещей, а только лишь объ ихъ отношеніяхъ между собой, и можетъ только объяснить эту связь, зародившуюся въ прошедшемъ, но не можетъ предугадать способа проявленія этой связи въ будущемъ. Въ исторіи русской литературы мы встрѣчаемся иногда съ такими явленіями, которыя обыч-

ному историко-литературному толкованію не поддаются. Напримѣръ, во второй половинѣ XVIII в. мы имѣемъ дѣло съ господствомъ нравоучительнаго романа. Мы можемъ поставить его въ связь съ современной литературой другихъ направленій и объединить то и другое на основаніи извѣстныхъ выводовъ. Но если бы мы вздумали выяснять *причины* такого господства нравоучительнаго романа и если бы для параллели взяли исторію этого романа на западѣ, откуда онъ и пришелъ къ намъ, то при полной возможности объяснить его появленіе на западѣ исторически и психологически, мы оказались бы въ затрудненіи, пожелавъ стать на обычный путь историко-литературныхъ изысканій. Мы не нашли бы тѣхъ причинъ господства у насъ нравоучительнаго романа, которыя мы нашли бы въ исторіи литературъ западныхъ. Но такъ какъ, несомнѣнно, причина для такого господства была, то подыскивая ихъ и обрисовывая обстановку, мы, однако, въ сильной степени становимся на почву психологическую: историко-литературная сторона сама по себѣ окажется недостаточной.

То же нужно сказать и по отношенію къ исторіи литературы XIV—XV вв. Подъ именемъ мистическо-аскетическаго направленія разумѣется то направленіе, представителями котораго у насъ въ XV в. были Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и такъ называемые заволжскіе старцы. Ученіе, извѣстное подъ этимъ именемъ, было чужимъ; оно въ это время было распространено и на западѣ и на востокѣ, и съ востока т. е. изъ Византіи пришло и къ намъ. Переходъ выразился, прежде всего, конечно, въ переводѣ книгъ, распространявшихъ это ученіе, а выдающіяся лица этого направленія, кромѣ того, знакомились съ мистическимъ ученіемъ и сами непосредственно, въ своихъ путешествіяхъ на востокъ, на Аѳонъ. Византійскіе мистики, Григорій Синаитъ и Григорій Палама, писатели первой половины XIV в., тотчасъ же были переведены на болгарскій языкъ и тотчасъ же въ этомъ же вѣкѣ стали извѣстны и въ Россіи. Появленіе ихъ сочиненій у насъ совпало вообще съ появленіемъ новой струи южно-славянскаго вліянія на русскую литературу.

Надо имѣть въ виду, что русскіе книжники были ознакомлены съ мистическо-аскетическимъ ученіемъ еще раньше появленія трудовъ перечисленныхъ мистиковъ. Мистики Григорій Синаитъ и Григорій Палама не были изобрѣтателями мистицизма и у себя на родинѣ. Мистическое ученіе проповѣдывалъ и развивалъ еще въ VII вѣкѣ извѣстный писатель Исаакъ Сиринъ, и его творенія въ переводѣ были

извѣстны раньше конца XIV вѣка. Но появленіе ихъ было обязано, очевидно, не какому-либо спеціальному интересу къ мистическому настроенію, но просто общему направленію внѣшняго хода русской литературы, выразившемуся, между прочимъ, въ переводахъ безъ разбора: извѣстно напр., что переводились съ греческаго языка одновременно и апокрифическія сочиненія и запрещенія ихъ, и часто въ одномъ сборникѣ мирно уживались и тѣ, и другія. Такъ было и съ мистическими сочиненіями Исаака Сирина. Когда явились у насъ переводы дѣйствительныхъ византійскихъ мистиковъ, а это, какъ мы видѣли, совпадало съ особымъ настроеніемъ русскаго человѣка, тогда вспомнили и Исаака Сирина, и для книжнаго человѣка всѣ три разновременныхъ мистика—Исаакъ Сиринъ, Григорій Синаитъ, Григорій Палама—составляли одну группу, и если они различали ихъ между собой, то не на основаніи хронологіи, а на основаніи большей или меньшей приспособленности ученія того или другого мистика къ ихъ настроенію и извѣстной воспріимчивости. Историкъ литературы, конечно, поставитъ своей задачей точнѣе опредѣлить отношеніе нашихъ мистиковъ къ ихъ первоисточникамъ и покажетъ ихъ литературную связь. Насъ эта сторона не касается такъ близко, и намъ нѣтъ нужды детально доискиваться, къ какому изъ византійскихъ мистиковъ стоитъ ближе ученіе, проявленное нашими книжными людьми. Разумѣется, далеко не все было доступно нашимъ книжникамъ. Вся та сложная система восхожденія духа къ божеству, едва ли даже понятная самимъ авторамъ, уже совершенно не была понятна переводчикамъ и русскимъ читателямъ, и послѣдніе переписывали и перечитывали, едва ли будучи въ состояніи разобраться въ сложности рекомендуемаго психическаго процесса. Но сущность имъ была, несомнѣнно, понятна. А сущность сводилась къ ученію самонаблюденія. Самонаблюденіе это было односторонне. Оно имѣло въ виду нравственно улучшить человѣка и даже болѣе—довести его до такого состоянія, когда онъ почувствуетъ себя какъ бы отрѣшившимся отъ міра и приблизившимся къ божеству. Здѣсь къ общимъ предписаніямъ, извѣстнымъ и раньше, присоединялись новыя, которыя ставили своей цѣлью усовершенствованіе только своего „я“. Строго говоря, и здѣсь какъ будто бы не было уже совершенно новаго: наши праведники напр. всегда ставили своею цѣлью такое совершенствованіе, но у послѣднихъ воспринималось оно скорѣе чувствомъ, нежели разумомъ. Теперь же на помощь приходитъ и разумъ, который старается исторически и теоретически объяснить новое ученіе. Понятно, однако, что разуму удава-

лось достигнуть своей задачи потому только, что соотвѣтственнымъ образомъ было уже настроено и чувство.

Я не буду подробно излагать ученіе мистиковъ, тѣмъ болѣе, что оно и не самостоятельно. Въ общихъ чертахъ оно сводится къ слѣдующему. Въ основаніи ученія лежитъ мысль о первоначальномъ единеніи человѣка съ Богомъ, которое нарушено человѣкомъ въ моментъ своего преступленія. Чтобы быть совершеннымъ, надо вернуться въ это первоначальное состояніе. Для этого необходимо удалить всѣ умственные и чувственные помыслы, подчинить себя Богу и воспринять дѣйствіе благодати духа. Благодать сообщена всѣмъ намъ, но она дѣйствуетъ только въ тѣхъ, кто приготовляетъ себя къ ея воспріятію. Это приготовленіе есть, по терминологіи мистиковъ, πρᾶξις въ отличіе отъ θεωρία, т. е. практическая дѣятельность въ отличіе отъ созерцанія. Подъ практическими добродѣтелями мистики разумѣли такія, которыя касаются лишь самого подвижника: онѣ всѣ и могутъ быть объединены подъ именемъ подвижничества. Сюда относятся слѣдующія добродѣтели: воздержаніе отъ удовольствій, постъ, бодрствованіе, стояніе, поклоны, голодъ, нестяжаніе, псалмопѣніе, непрестанная молитва, смиреніе, сокрушеніе, разумное молчаніе и терпѣніе. При этомъ мистики строили цѣлую лѣстницу добродѣтелей, которыя пріобрѣтаются подвижниками. Цѣль развитія этихъ добродѣтелей—побѣдить свои страсти. Однако, при этомъ человѣкъ все-таки нуждается въ благодати духа, которая возможна лишь тогда, когда человѣкъ углубляется въ самого себя, постоянно стремится освободить свою душу отъ всего порочнаго и отъ всего мірского. Въ результатѣ получается экстазъ, экстатическое состояніе созерцанія. Къ ней восходитъ такъ называемая „умная молитва“, которая сама обусловливается различными добродѣтелями. Умная молитва есть уже высшее состояніе души человѣка, когда является для послѣдняго возможность соединенія съ Богомъ. Однимъ словомъ, преимущественное вниманіе мистиковъ было обращено на внутреннюю сторону религіи. Возвышенное пониманіе религіи происходило изъ увѣренности мистиковъ въ возможности единенія человѣка съ божествомъ.

Мистико-созерцательное ученіе, принятое нашими книжниками, не во всѣхъ подробностяхъ сходилось со своимъ первоисточникомъ. Такъ какъ первоисточникомъ въ данномъ случаѣ было ученіе нѣсколькихъ византійскихъ мистиковъ, которые не во всемъ сходились между собой, то и наши мистики примыкали въ своихъ воззрѣніяхъ то къ тому то къ другому. Въ исторіи мистическаго ученія въ самой

Византіи и на славянскомъ югѣ мы можемъ, между прочимъ, замѣтить, что постепенно обрядовая сторона, противъ которой на первыхъ порахъ выступалъ мистицизмъ, стала играть чуть ли не самую существенную роль, а наши мистики иногда стоятъ еще на первоначальной ступени. Исторія литературы давно уже связала съ разсматриваемымъ мистико-созерцательнымъ направленіемъ нѣсколько очень крупныхъ явленій въ общественно-культурной жизни русскихъ людей тогдашняго времени. Такъ съ нимъ связывается обыкновенно ученіе о нестяжательности монашества и о скитскомъ образѣ жизни, что̀ и понятно, такъ какъ только при отсутствіи заботъ о матеріальныхъ благахъ возможно цѣлые дни предаваться созерцательному настроенію. Далѣе, съ мистицизмомъ связывается извѣстное критическое отношеніе къ священному писанію, такъ какъ мистицизмъ явился до извѣстной степени „индивидуализмомъ“ въ сферѣ религіи. Наконецъ, съ мистическимъ направленіемъ связывается извѣстная терпимость къ еретикамъ, которая отличала послѣдователей его отъ ихъ современниковъ. Это гуманное для тогдашняго времени отношеніе къ еретикамъ т. е. къ лицамъ, не признающимъ господствующей догмы, само собою вытекало изъ основного свойства мистическаго ученія, предоставлявшаго каждому свободу въ достиженіи своего спасенія.

Мистическо-аскетическое или созерцательное ученіе имѣло у насъ длинную исторію. Оно просуществовало слишкомъ полтора вѣка, и еще въ половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ его вліяніемъ въ видѣ направленія дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ, въ родѣ извѣстнаго старца Артемія. Въ этомъ ученіи мы должны различать два элемента: собственно созерцаніе и обыкновенный аскетизмъ. Созерцаніе есть высшее состояніе духа и, какъ таковое, было доступно, конечно, немногимъ. Подъ аскетизмомъ здѣсь разумѣется то, что служило средствомъ для достиженія созерцательнаго состоянія. То и другое, соединившись вмѣстѣ, должно было производить особое дѣйствіе, и человѣкъ, подчиняясь этому условію, долженъ былъ поставить въ центрѣ своего наблюденія свое „я“, самого себя. Экстазъ, чувство единенія души съ божествомъ, есть такое состояніе, которое ставитъ человѣка внѣ окружающей среды, внѣ общества. Эта сторона, надо сказать, играла роль небольшую и очень недолго. Да она и не могла играть большой роли по самой трудности ея исполненія. Въ самомъ началѣ появленія этого ученія, когда русскій человѣкъ метался въ полной неизвѣстности ближайшаго будущаго, при полномъ неумѣніи разобраться въ тѣхъ разнообразныхъ неустройствахъ, которыя вокругъ него твори-

лись,—тогда это ученіе могло быть привлекательно само по себѣ: оно уводило человѣка въ невѣдомую ему доселѣ область, возвышало его надъ чувственнымъ міромъ и удаляло его мысль отъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя онъ впадалъ, когда у него проскальзывало желаніе объяснить все то, что совершалось на его глазахъ. Но, во-первыхъ, такое состояніе было доступно немногимъ, а во-вторыхъ, эта сторона новаго ученія, какъ это бываетъ, стала вытѣсняться другой стороной, или точнѣе, тѣми логическими выводами, которые вытекали изъ этой стороны созерцательнаго ученія. Поэтому, не сама по себѣ эта сторона насъ привлекаетъ, подобно тому какъ и впослѣдствіи не созерцательная сторона масонскаго ученія имѣла значеніе для русской жизни и литературы, но сторона нравственная. Точно также и то, что мистика предписывала, т. е. обычныя предварительныя добродѣтели не представляютъ намъ какой-нибудь новизны: такія добродѣтели, какъ терпѣніе, послушаніе, безмолвіе и т. п. предписывались и раньше кодексомъ монашеской жизни. Для насъ имѣетъ значеніе, во-первыхъ, фактъ соединенія двухъ сторонъ этого ученія въ одно цѣлое, а, во-вторыхъ, и это главное—обращеніе человѣка къ самому себѣ, требованіе оградить себя отъ міра. Это не должно, однако, принимать въ смыслѣ требованія полнаго отчужденія отъ міра. Сама жизнь не дозволила выставить и довести до конца это требованіе. Но это должно понимать въ смыслѣ требованія улучшить, прежде всего, самого себя. Если проповѣдники этого ученія и стремились стать подальше отъ общественныхъ дѣлъ, то это было, такъ сказать, невольной данью аскетическому ученію объ отшельничествѣ; все-таки данное ученіе соединялось съ фактомъ монашества, а по этому ученію послѣднее должно быть идеальнымъ т. е. полнымъ отреченіемъ и удаленіемъ отъ міра. Но если мы отвлечемся отъ этой стороны т. е. отъ примѣси монашескаго элемента и примѣнимъ это ученіе къ обыкновенной личной жизни, то понятно, что рѣчи о полномъ удаленіи отъ міра быть не можетъ. Все это сведется къ тому, что̀ должно поставить на первомъ мѣстѣ: усовершенствованіе ли своего „я“ или улучшеніе общества, и рѣшеніе будетъ въ пользу перваго. Послѣдователи этого ученія не ставили, разумѣется, такъ именно вопроса, по той простой причинѣ, что сама жизнь такихъ вопросовъ еще не подсказывала. Поэтому, нѣкоторое устраненіе отъ участія въ общественной жизни являлось уже слѣдствіемъ разсматриваемаго ученія, но и, какъ слѣдствіе, оно не могло быть послѣдовательно проведено въ жизнь. Лучшіе представители этого ученія оказывались самыми ревностными общественными дѣятелями. Можетъ быть, въ этомъ

есть своего рода законъ, что проповѣдники ученія часто своею жизнью опровергаютъ его. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ одно изъ проявленій дѣйствія двухъ силъ, о которыхъ приходилось говорить: силы центробѣжной и центростремительной.

Какъ бы то ни было, мы имѣемъ дѣло съ призывомъ человѣка углубиться въ самого себя, пойти сначала по пути личнаго нравственнаго совершенствованія. Какъ ученіе своего времени, оно стоитъ на почвѣ полной вѣры въ истинность христіанской морали, но почитаемой духовно, и не можетъ еще отрѣшиться отъ старыхъ формъ, хотя и вводитъ нѣкоторые новые элементы, за что подвергается преслѣдованію. Но по отношенію къ своему внутреннему смыслу оно тѣсно связывается не только съ упоминаемымъ мною масонствомъ, поскольку послѣднее имѣетъ моральный характеръ, но и съ послѣдующимъ временемъ, съ эпохой 30-хъ годовъ, съ дѣятельностью Гоголя, съ проповѣдью Достоевскаго и Толстого и съ направленіемъ нашихъ восьмидесятниковъ. Понятно, что всякій разъ мы встрѣчаемся съ особой обстановкой, съ новыми интересами жизни, которые выдвигались всякій разъ и которыхъ не знала эпоха XV — XVI столѣтій. Понятно, что мѣнялись всякій разъ частности и послѣдовательность явленій: что въ однихъ случаяхъ являлось слѣдствіемъ, то въ другихъ было причиной. Все это подлежитъ вѣдѣнію исторіи литературы, но съ психологической стороны мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ. Исторія литературы, разсматривая развитіе мистическаго направленія въ половинѣ XVIII вѣка, среди другихъ причинъ указываетъ и на ту неудовлетворенность, которая охватывала многихъ лучшихъ людей того времени. Жизнь стала очень разнообразна, и цѣлый рядъ новыхъ ощущеній нахлынулъ на русскихъ людей. Проявленіе этой неудовлетворенности хорошо извѣстно: оно выразилось, между прочимъ, въ сатирѣ, въ такомъ явленіи, котораго не знали XIV—XVI вѣка. Но та же неудовлетворенность частью на тѣхъ же лицъ частью на другихъ могла дѣйствовать иначе. Они всѣ уже были проникнуты тѣмъ направленіемъ, которое, между прочимъ, характеризуетъ вѣкъ просвѣщенія, именно, направленіемъ моральнымъ, покоившимся на томъ убѣжденіи, что душа человѣка вполнѣ доступна дѣйствію морали. Мы видимъ, что дѣятельность лучшихъ людей направлена на улучшеніе нравовъ и обычаевъ русскаго общества, и, разумѣется, должны имѣть въ виду, что общественная дѣятельность имѣла своеобразный характеръ, непохожій на тотъ, который приняла русская жизнь столѣтіемъ позже, въ половинѣ XIX вѣка. Если бы мы задали

вопросъ, такова ли, дѣйствительно, была жизнь тогдашняго общества, что лучшимъ людямъ не оставалось ничего иного, какъ уйти въ мистицизмъ и поставить своею цѣлью наблюденіе за своимъ „я“, то, конечно, на этотъ вопросъ мы не могли бы дать ни положительнаго ни отрицательнаго отвѣта, подобно тому, какъ если бы задали вопросъ, дѣйствительно ли жизнь была такъ несовершенна впослѣдствіи, когда Гоголь, а спустя нѣсколько десятилѣтій Достоевскій, Толстой, а за ними и всѣ восьмидесятники должны были проповѣдывать личное совершенствованіе т. е. приближеніе къ тому же мистическо-аскетическому настроенію? Мы не можемъ ставить такого вопроса потому, что у насъ нѣтъ абсолютнаго критерія для опредѣленія того, какую жизнь должно считать настолько несовершенной, чтобы она давала основаніе углубляться только въ самого себя. Но мы считаемся съ фактомъ этого углубленія и разматриваемъ лишь сопутствующія обстоятельства. Но они также не всегда даютъ намъ удовлетворительный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ общественная жизнь во второй половинѣ XVIII вѣка была уже такъ несовершенна, что сама собой гнала лучшихъ людей въ объятія мистицизма, въ область стремленій къ личному совершенствованію? А между тѣмъ это стремленіе къ улучшенію именно нравственному проникаетъ во всѣ отрасли литературной жизни тогдашняго времени. Развѣ во времена Гоголя также жизнь была уже настолько тяжела, что единственный выходъ изъ мрачнаго состоянія духа былъ въ проповѣдуемомъ имъ аскетизмѣ? Поставимъ рядомъ съ нимъ Бѣлинскаго, и отвѣтъ будетъ вполнѣ отрицательный. Но такъ какъ мы такъ или иначе принуждены считаться съ фактомъ обращенія вниманія въ сторону личнаго совершенствованія, то понятно, что все, что сопутствуетъ этому факту обращенія, исторіей литературы и разсматривается какъ внѣшняя побудительная причина; внутренней же остается то пока невыясненное свойство, которое время отъ времени въ своей сущности однообразно реагируетъ на внѣшнія причины, разнообразясь лишь или количественно, но не качественно, или присоединеніемъ частностей, не измѣняясь по существу. Еще болѣе поставленный выше вопросъ остается безъ отвѣта, когда станемъ говорить о Толстомъ и Достоевскомъ или о направленіи восьмидесятниковъ. Если извѣстное направленіе послѣднихъ можетъ быть приблизительно понято по противоположенію направленія 60-хъ и 70-хъ годовъ, съ одной стороны, и 90-хъ—съ другой, какъ средняя равнодѣйствующая между „народниками“, съ одной стороны, и „марксистами“—съ другой, то по отношенію къ выдающимся талантамъ, какъ

Достоевскій и Толстой, исключительно историческая точка зрѣнія окажется неприложимой: она многаго не сумѣетъ совершенно объяснить. При такихъ условіяхъ мы не должны ставить себѣ задачей во что бы то ни стало объяснить хотя бы разсматриваемое нами настроеніе, проявлявшееся въ русской литературѣ по временамъ очень интенсивно,—объяснить исключительно исторической обстановкой: послѣдняя объясняетъ намъ связь фактовъ, но не ихъ сущность. Но такъ какъ мы никогда не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что каждый фактъ есть порожденіе извѣстнаго времени и обстоятельствъ, то мы противъ своей воли всегда становимся на историческую почву, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ данномъ нашемъ, и не дадимъ ей исключительнаго господства.

Сопоставляя между собой нѣсколько яркихъ случаевъ одного и того же настроенія въ различныя эпохи, не слѣдуетъ, конечно, отожествлять ихъ до мельчайшихъ подробностей. Но многое было одинаково. Конечно, наиболѣе внѣшняго сходства мы можемъ усмотрѣть между XIV—XV вѣками, съ одной стороны, и XVIII—XIX, съ другой, нежели между тѣмъ и другимъ временемъ, съ одной стороны, и нѣсколькими эпохами новѣйшаго времени—съ другой. Сходство между первыми двумя эпохами было, между прочимъ, и въ тонѣ той литературы, которая образовывала, такъ сказать, общій фонъ. Въ XIV—XV вѣкахъ общій фонъ составляла литература общехристіанскаго направленія, какъ послѣднее сложилось въ господствующей церкви, и на этомъ фонѣ ярко обрисовалась литература мистическо-созерцательная. Тремя столѣтіями позже общимъ фономъ была особая нравоучительная литература, также литература чужая, и на этомъ фонѣ обрисовывается литература также мистическо-созерцательная. Но для эволюціи самого настроенія, заставлявшаго тогда и теперь обращаться къ однородной специфической литературѣ, три вѣка не прошли даромъ. Въ древнее время стремленіе къ нравственному совершенствованію имѣетъ другой характеръ, мы сказали бы—монашескій характеръ, что̀, разумѣется, и зависило отъ того, что книжными-то людьми были главнымъ образомъ люди духовные. Теперь, въ новое время то же стремленіе не имѣетъ уже такого узкаго характера, а имѣетъ характеръ вообще стремленія къ нравственному совершенству, соединяясь даже съ разрывомъ съ основными догматами господствующаго ученія. Прежде нравственное личное совершенствованіе не проповѣдывалось, какъ ясно сознаваемая теорія: послѣднюю мы должны выводить научнымъ аналитическимъ путемъ; теперь, въ XVIII—XIX сто-

лѣтіяхъ личное нравственное усовершенствованіе является уже опредѣленной цѣлью лучшихъ людей, и уже не только прошедшихъ масонско-мистическую школу, но и людей молодыхъ поколѣній, лишь затронутыхъ этимъ ученіемъ черезъ поколѣнія старшія. Личное нравственное совершенствованіе уже настойчиво проповѣдуется цѣлыми кружками, ставившими эту цѣль во главу своихъ уставовъ, и самая сентиментальность, какъ литературное направленіе, можетъ быть болѣе ясно понята, если мы станемъ на почву общаго нравоучительнаго направленія, присоединивъ сюда и частное стремленіе къ анализу своего „я“ съ единственной цѣлью его усовершенствовать.

ГЛАВА IV.

Эпоха мистическо-созерцательнаго настроенія, ясно выражавшаяся въ литературѣ, имѣла мѣсто съ конца XIV до половины XVI вѣка, когда самая жизнь стала принимать особое направленіе. Съ начала XVII вѣка выдвигаются особыя задачи, выдвигается борьба за школу, за школьное образованіе, въ литературу входитъ новая струя—новый нравоучительный романъ авантюрнаго характера. Возникаетъ борьба различныхъ частей общества между собой, борьба различныхъ партій. Борьба эта идетъ сначала на литературной почвѣ, но затѣмъ принимаетъ характеръ борьбы общественной и, наконецъ, осложняется политическимъ элементомъ. Во время этой борьбы оживляется и литература. Сначала она вращается въ сферѣ старыхъ интересовъ и старыхъ источниковъ, но эта же борьба выдвинула нѣсколько новыхъ лицъ, которыхъ не знало предшествующее время, лицъ, уже тронутыхъ европейской наукой. Наступила Петровская эпоха съ ея устройствомъ практическихъ школъ, съ переводомъ множества книгъ практическаго содержанія, затѣмъ наступило время Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова, и стала зарождаться журналистика, а вмѣстѣ съ ней сталъ появляться въ большомъ количествѣ новый нравоучительный романъ, привлекшій къ себѣ вниманіе публики. Перенесеніе французскаго театра и французской просвѣтительной философіи образовало особый классъ людей, ведущій свое начало еще отъ конца XVII вѣка и черезъ нѣсколько промежуточныхъ стадій вполнѣ опредѣлившійся въ первыхъ десятилѣтіяхъ второй половины XVIII вѣка. Этотъ классъ является теперь единственнымъ носителемъ литературныхъ направленій. Это—тотъ классъ, который принято называть классомъ образованнымъ. Обыкновенно подъ литературой второй половины XVIII вѣка

и разумѣется литература этого класса, среди которого могли являться уже такіе писатели, какъ Фонвизинъ, Новиковъ, Радищевъ и др., хотя должно сказать, что исторія литературы теперь выдвигаетъ и литературу другого рода, ту литературу, которая являлась непосредственной продолжательницей древняго періода. Однако, для насъ въ настоящемъ случаѣ послѣдняя литература не имѣетъ значенія, и ее придется привлечь лишь впослѣдствіи, когда произошло сліяніе въ литературѣ нѣсколькихъ элементовъ, стоявшихъ тогда т. е. въ XVIII—XIX вѣкахъ въ отдаленіи другъ отъ друга. Пока можно отмѣтить то обстоятельство, что такъ называемая литература XVIII—XIX столѣтій, какъ бы порвавшая связи съ древними направленіями, тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть возводима къ послѣднимъ, и связующимъ звеномъ въ такихъ случаяхъ является именно литература средняго и низшаго классовъ, которая въ послѣднее только время особенно начинаетъ привлекать вниманіе историковъ. Въ мою задачу въ настоящемъ случаѣ не можетъ пока входить ни изложеніе литературныхъ направленій XVIII—XIX вѣковъ ни, тѣмъ болѣе, прослѣживаніе ея исторической связи съ древнѣйшимъ періодомъ. Я могу остановиться только на одномъ направленіи и притомъ брать его, какъ готовый фактъ. Если бы мы, однако, пожелали дать опредѣленное названіе этому направленію, то оказались бы въ нѣкоторомъ затрудненіи, и—по той причинѣ, что и тутъ это направленіе должно быть названо скорѣе „настроеніемъ“, нежели направленіемъ, и потому оно является скорѣе психологическимъ фактомъ, нежели литературнымъ. И съ этой стороны оно любопытно и характерно. Литературныя направленія того времени т. е. второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ болѣе или менѣе опредѣлены. Они всѣ существовали одновременно, каждое имѣло своихъ защитниковъ и враговъ, вслѣдствіе чего литературная картина того времени является довольно пестрой. Тутъ мы видимъ и французское ложно-классическое направленіе, выражавшееся въ переводахъ и передѣлкахъ французской драмы и въ подражаніяхъ ей, и появленіе мѣщанской комедіи, и сильное распространеніе переводнаго нравоучительнаго романа, и первые признаки сентиментализма, и культивированіе чистаго эллинизма въ противовѣсъ французскому классицизму, и господство мистическихъ сочиненій, переводныхъ и самостоятельныхъ. Кромѣ извѣстныхъ намъ теперь литераторовъ, какъ Новиковъ, Сумароковъ, Карамзинъ и т. п., дѣйствуютъ десятки другихъ, давно уже забытыхъ, но считавшихся въ свое время иногда выдающимися. Всѣ они дѣйствуютъ то въ

одиночку, то кружками, и каждый изъ нихъ можетъ дать намъ матеріалъ для сужденія о томъ или другомъ литературномъ направленіи. Всѣ они пока недостаточно изучены, читать ихъ въ настоящее время очень скучно, такъ какъ общественнаго интереса ихъ произведенія — главнымъ образомъ, а иногда и исключительно стихотворныя—не имѣютъ, а по внутреннему своему содержанію они однообразны, и трудно отыскать въ нихъ такой элементъ, который захватывалъ бы наше вниманіе. Было бы, поэтому, очень благодарной задачей уловить то настроеніе, съ которымъ жили десятки литераторовъ, независимо отъ того или другого историко-литературнаго направленія, опредѣлить ту нравственную атмосферу, которая окружала ихъ, или, примѣняя опять новый терминъ, выяснить ту психическую организацію, которая отличала бы людей послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка и перваго десятилѣтія XIX. Это была какая-то особая сфера, совершенно непонятная намъ теперь. Съ психологической стороны намъ понятнѣе т. е. доступнѣе для нашего воспринятія сфера даже XV—XVI вѣковъ, или эпоха Петра, потому что настроеніе этихъ эпохъ можетъ быть охарактеризовано рѣзкими чертами. Но эпоха послѣднихъ десятилѣтій XVIII и начала XIX вѣковъ носитъ какой-то особый стиль. Разумѣется, надо оставить въ сторонѣ тѣ слои общества, которыхъ западно-европейское просвѣщеніе тронуло вскользь и которые служили обыкновенно предметомъ сатиры. Исторія литературы давно уже отмѣтила дѣятельность многихъ лицъ, истинно-просвѣщенныхъ по тогдашнему времени, во всей своей совокупности и представлявшихъ то ядро, изъ которого и развивалась и литература и просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ. Они такъ же, какъ и во всѣ времена, часто спорятъ между собой по литературнымъ вопросамъ, вступаютъ въ полемику, ищутъ теоретическаго оправданія своему литературному направленію, но всѣ они какъ бы подернуты одной дымкой. Въ это время два центра дѣйствовали въ распространеніи просвѣщенія и литературы—Москва и Петербургъ; тамъ и тутъ устраивались кружки, главный интересъ которыхъ былъ чисто литературный, издавались журналы или альманахи, которые также были направленія исключительно литературнаго. Вчитываясь въ тогдашнія литературныя упражненія, мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія нѣкоторой доли сентиментальности и задушевности, которая проникаетъ во всѣ такія произведенія. Всѣ почти писатели представляются намъ какими-то особыми людьми, для которыхъ жизнь чувствомъ составляетъ жизненную потребность. И это не будетъ узкое проявленіе сентиментализма, какъ

извѣстнаго литературнаго направленія. Мы можемъ оставить даже въ сторонѣ такія чувствительныя сердца, какъ извѣстный приторный сентименталистъ кн. Шаликовъ, у котораго сентиментальныя упражненія были возведены въ систему. Всѣ писатели и общественные дѣятели того времени живутъ какой-то особой атмосферой. Она начинается съ эпохи Новикова, съ кружка воспитанниковъ Московскаго университета и пансіона при немъ, съ Дружескаго Общества и продолжается до Жуковскаго включительно. Жуковскій является исключительнымъ и послѣднимъ представителемъ разсматриваемаго нами поколѣнія: его психическая организація или душевный укладъ пережилъ всѣ настроенія и направленія, не измѣняясь. Но его настроеніе и является послѣднимъ звеномъ въ цѣпи тѣхъ настроеній и направленій, которыя характеризуютъ эпоху конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Это настроеніе, какъ я говорилъ, отзывается на первый взглядъ долей обычнаго сентиментализма. Если мы возьмемъ какого-либо изъ второстепенныхъ тогдашнихъ писателей, въ родѣ, напримѣръ, князя Ивана Михайловича Долгорукаго, то мы сразу почувствуемъ, что они необычайно сильно живутъ чувствомъ. Но эта жизнь чувствомъ очень узка и не можетъ претендовать даже на подобіе, напримѣръ, байроновскому чувству разочарованія или, напримѣръ, чувству міровой скорби. Это есть еще какъ бы ячейка, изъ которой позднѣе выходило болѣе или менѣе ярко очерченное чувство. Мы видимъ, что большую роль среди нихъ играетъ личная дружба, личная привязанность, а отсюда и стремленіе при всякомъ удобномъ случаѣ выказать чувство любви, привязанности и дружбы. Отсюда масса элегій, эпитафій, посланій ихъ другъ къ другу по поводу всякаго рода событій, не интересныхъ никому, кромѣ ихъ самихъ, какъ близко знакомыхъ между собой людей, въ родѣ, напримѣръ, на рожденіе у кого-нибудь сына или дочери или ихъ смерти, или на поѣздку въ чужіе края. Такого рода литературныя произведенія не были простой перепиской двухъ знакомыхъ, но всѣ эти элегіи, оды, эпитафіи, посланія тотчасъ печатались, потомъ собирались отдѣльной книгой, выпускались въ свѣтъ, и публика ихъ читала, услаждаясь ихъ настроеніемъ, и причисляла ихъ авторовъ къ великимъ писателямъ. И съ этой стороны могутъ быть сближены писатели самыхъ разнообразныхъ направленій, начиная съ Карамзина и кончая такимъ религіознымъ писателемъ, какъ кн. Шихматовъ, и съ этой же стороны могутъ быть сближены такіе два литературныхъ враждебныхъ кружка, какъ Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ. Если мы пожелаемъ понять чувство, какъ чувствительность, то увидимъ, что про-

явленіе этого качества заходитъ и за 30-ые годы и наблюдается и въ сороковыхъ годахъ. Конечно, для каждаго десятилѣтія мы найдемъ свои особыя условія проявленія этой стороны чувства, въ видѣ того или другого вліянія со стороны, то въ видѣ романтизма, какъ литературнаго направленія, то въ формѣ философскаго міровоззрѣнія въ видѣ философіи Шеллинга, которая своимъ высочайшимъ поэтическимъ свойствомъ, съ ея ученіемъ о тожественности духа съ матеріей, приводила человѣка въ состояніе восхищенія. Но проявленіе этой чувствительности мы наблюдаемъ, начиная со второй половины XVIII вѣка, и, такимъ образомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не только съ тѣмъ или другимъ историко-литературнымъ явленіемъ, нѣсколько видоизмѣнявшимся въ извѣстныя десятилѣтія, но и съ психологическимъ явленіемъ. Тѣ новыя проявленія чужого вліянія, которыя имѣли мѣсто въ первомъ, затѣмъ во второмъ и даже въ третьемъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка, являлись лишь новымъ элементомъ, который придавалъ тѣ или другія черты настроенію старому. Къ такому же точно выводу мы придемъ, если возьмемъ какой-либо частный случай, напримѣръ, распространеніе элегій. Я говорилъ, что на этомъ поприщѣ отличались всѣ поэты конца XVIII и начала XIX вѣковъ; но оно же преобладало и въ періодъ романтизма, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ элегія была логическимъ выводомъ изъ ученія романтической школы. По послѣдней міръ слагается изъ идеи и формы, и вотъ въ періодъ господства романтизма, который связывался съ христіанскимъ ученіемъ, идея преобладаетъ надъ формой. Но идея, какъ нѣчто невещественное и безконечное, не можетъ помѣститься въ формѣ, какъ вещественной и конечной. Отсюда неизбѣжная и постоянная неудовлетворенность души, отсюда и ея элегическое настроеніе, отсюда и элегія, какъ литературное проявленіе такого душевнаго состоянія. Такого ученія и такого сознанія не было, конечно, въ XVIII вѣкѣ, но, явившись вмѣстѣ съ романтизмомъ, оно находило знакомую для себя почву, и, слѣдовательно, съ этой стороны второе и третье десятилѣтія XIX вѣка связываются съ предшествующимъ временемъ, и притомъ не на почвѣ общественныхъ интересовъ, а на почвѣ внутренней душевной жизни.

Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементомъ чувства, игравшимъ, слѣдовательно, не малую роль въ внутренней жизни тогдашняго общества. Даже нѣсколько позднѣе, въ періодъ увлеченія философіей Шеллинга, жизнь чувствомъ составляла отличительный признакъ русскихъ людей, стоявшихъ на почвѣ этой философіи. Вся эта атмо-

сфера, пропитанная элементомъ чувства, видоизмѣнялась, конечно, съ каждымъ десятилѣтіемъ. Теперь и выступаетъ на сцену именно та особенность, о которой приходилось уже говорить, а именно, что какъ событія такъ и литературныя направленія, а вмѣстѣ съ ними и настроенія слѣдуютъ уже болѣе быстрымъ темпомъ, нежели въ древнее время, и что̀ въ древнее время совершалось въ столѣтіе, то въ новое совершается въ десятилѣтіе. Но извѣстное настроеніе, видоизмѣняясь въ отдѣльныя десятилѣтія, все же оставалось однимъ и тѣмъ же по существу. Оно сводилось, такимъ образомъ, къ стремленію жить своимъ чувствомъ, разбираться въ немъ, улучшать себя съ нравственной стороны. Возьмемъ ли мы сентиментальное настроеніе во всѣхъ его проявленіяхъ, или элегическій тонъ въ массѣ тогдашнихъ стихотвореній, возьмемъ ли даже страстную проповѣдь со стороны многихъ людей перестать увлекаться французскимъ языкомъ, ибо это губитъ въ концѣ концовъ нравственность,—все это держитъ наше вниманіе не на общественномъ интересѣ, но на внутренней жизни человѣка, гдѣ центромъ является свое „я“.

Итакъ, если мы кратко обозрѣваемъ ходъ развитія общественной и литературной мысли со второй половины XVIII в., то найдемъ, какъ видѣли, нѣсколько направленій. Но съ психологической стороны общество будетъ представлять въ извѣстной степени признаки однообразія. Это однообразіе будетъ сводиться къ тому, что всѣ живутъ болѣе своимъ внутреннимъ міромъ, нежели общественными интересами. Конечно, здѣсь надо принять извѣстное ограниченіе, какъ это неоднократно указывалось. Во-первыхъ, тогда не было тѣхъ общественныхъ задачъ, какія выдвинулись въ болѣе позднее время, главнымъ образомъ съ 40-хъ годовъ XIX ст., а во-вторыхъ, общественная жизнь и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя предоставляла ей та эпоха, существовала, и всѣ болѣе или менѣе принимали въ ней участіе, одни какъ государственные или вообще служилые люди, другіе, хотя и рѣже, какъ общественные дѣятели. Но литературно-психологическое настроеніе однообразными чертами проходитъ черезъ рядъ десятилѣтій. И до нѣкоторой степени мы можемъ прослѣдить душевную жизнь тогдашнихъ поколѣній, жизнь, которая въ сильной степени состояла въ стремленіи къ улучшенію своего нравственнаго состоянія. Если мы видимъ, что такая жизнь чувствомъ является преобладающей, что стремленіе къ нравственному совершенствованію руководитъ лучшими людьми въ продолженіе цѣлаго ряда десятилѣтій, видоизмѣняясь лишь въ направленіи, но не въ своемъ существѣ; если мы видимъ, что

русская дѣйствительность сама по себѣ не заключала такихъ условій, которыя немедленно вызывали бы указанныя настроенія, какъ это имѣло мѣсто на западѣ; если мы видимъ, что означенное настроеніе, придя съ чужой стороны, становилось своимъ, лишь нѣсколько видоизмѣнившись сообразно русской жизни; если все это такъ,—то мы должны признать, что были какія-то особыя условія для господства такого настроенія, которыя не могутъ объясниться обыкновеннымъ историко-литературнымъ методомъ, т. е. реакціей одного направленія другому: если эта реакція и имѣла иногда мѣсто, то и она вызывалась не условіями своей собственной жизни, но легкостью перемѣнъ чужого матеріала. Что является чужимъ, не пережитымъ, не выстраданнымъ, то легко и замѣняется другимъ или, въ лучшемъ случаѣ, продолжаетъ существовать на ряду съ тѣмъ, что ему противорѣчитъ. Такъ было у насъ съ направленіями историко-литературными. Иначе обстояло дѣло съ психологической стороной тѣхъ же направленій. Она тоже какъ будто не есть изобрѣтеніе русской дѣйствительности тогдашняго времени: мы можемъ усмотрѣть ее и въ чужихъ странахъ, но ея преобладаніе, и притомъ долговременное, заставляетъ ставить вопросъ, нѣтъ ли какой общей причины для ея господства въ различныя эпохи, причины, лежащей внѣ общественно-историческихъ условій, роль которыхъ сводится къ усиленію или ослабленію ея проявленія?

Если бы теперь мы спросили, что читалъ русскій человѣкъ въ концѣ XVIII вѣка, то среди другихъ произведеній мы могли бы назвать ту литературу, которая ведетъ начало съ масонско-мистическаго движенія и связывается съ именами Новикова, Лопухина, Ивана Тургенева. Масонство—очень сложное культурно-историческое явленіе и еще недостаточно изученное. Не мало оно заключало въ себѣ несимпатичныхъ чертъ, особенно когда оно принимало характеръ неискренности, а лишь средства устроить свою карьеру. Но за вычетомъ этой отрицательной стороны, масонско-мистическое направленіе имѣло характеръ моральный—именно обращеніе вниманія на внутреннее свое состояніе. Если мы отбросимъ элементъ мистицизма, который неясенъ, какъ и всякій мистицизмъ, то получимъ лишь элементъ моральный, и этотъ моральный элементъ клонится къ проповѣди самонаблюденія и самосовершенствованія. И я уже говорилъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ бы съ воскресшими XIV—XVI вѣками, съ той только рѣзкой разницей, что въ тѣ времена мы имѣемъ дѣло съ книжниками, стоявшими выше массы только лишь по своей грамотности и начитанности въ наличной литературѣ, а теперь мы имѣемъ

дѣло съ людьми, просвѣщенными во вкусѣ XVIII вѣка. Правда, мистическое ученіе въ XVIII вѣкѣ являлось отчасти противодѣйствіемъ такъ называемому „вольтерьянству“ и, слѣдовательно, было проявленіемъ борьбы двухъ направленій, чего мы не можемъ сказать о періодѣ древнемъ; въ послѣднемъ „вольтерьянствомъ“ т. е. свободомысліемъ скорѣе можетъ быть названо именно мистическое направленіе, какъ шедшее наперекоръ господствующему ученію. Но мы знаемъ теперь, что, если при объясненіи масонства мы станемъ исключительно на точку зрѣнія борьбы двухъ направленій, т. е. если будемъ объяснять его исключительно исторически, какъ мы можемъ съ успѣхомъ это сдѣлать по отношенію къ масонству на его родинѣ, то мы сейчасъ же почувствуемъ неудовлетворенность: самое „вольтерьянство“ было не настроеніемъ, а лишь литературнымъ направленіемъ, противодѣйствующее же ему масонство окажется въ сильной степени именно „настроеніемъ“: одно — явленіе мимолетное и скоро проходящее, другое болѣе устойчивое и болѣе глубокое и болѣе продолжительное: оно является одновременно съ „вольтерьянствомъ“, но переживаетъ его на нѣсколько десятилѣтій. Слѣдовательно, объяснить „настроеніе“, какъ реакцію „направленію“, нѣтъ никакой возможности. Но понятно, что рѣшать вопросъ такъ просто, что все дѣло здѣсь въ присущей русскому человѣку прирожденной способности обращаться всякій разъ на путь личнаго совершенствованія, было бы односторонне. Можетъ быть, собранный въ бо̀льшемъ количествѣ и всесторонне разработанный матеріалъ со временемъ дастъ больше основаній для такого рѣшенія, теперь же приходится лишь намѣчать этотъ матеріалъ и указывать пути для его разрѣшенія. Въ самомъ началѣ своего изложенія я поставилъ вопросъ, какую роль играетъ въ разсматриваемомъ нами направленіи законъ традиціи, преемственности; въ соединеніи послѣдней съ какими-либо національными особенностями и будетъ лежать въ значительной степени выясненіе нашего настроенія. Въ данномъ случаѣ вопросъ о традиціи касается связи проявленнаго въ литературѣ XVIII вѣка стремленія къ личному нравственному совершенствованію съ таковымъ же тремя столѣтіями раньше. По отношенію къ періодамъ конца XVIII вѣка, съ одной стороны, и начала XIX, съ другой, такая традиція слишкомъ ясна, чтобы на ней останавливаться. Ясно, что послѣднія поколѣнія въ сильной степени получали свое направленіе подъ воздѣйствіемъ литературы нравоучительно-мистической, но литературы, такъ сказать, новой формаціи т. е. той же западной литературы XVIII вѣка. Но

какая связь была у первыхъ піонеровъ мистическо-нравоучительнаго направленія съ таковымъ же направленіемъ древняго времени? Рѣшеніе этого вопроса требуетъ нѣкотораго углубленія какъ въ историческую обстановку такъ и въ область чистой психологіи. Что намъ можетъ дать то и другое?

Для нѣкоторой иллюстраціи я укажу предварительно на одинъ общеизвѣстный фактъ изъ біографіи Пушкина. Историки литературы, говоря о народности произведеній Пушкина, указываютъ, что, несмотря на все свое французское воспитаніе въ дѣтствѣ, Пушкинъ тѣмъ не менѣе связывался съ народностью въ силу традиціи. Между прочимъ, всѣ указываютъ на вліяніе въ этомъ отношеніи со стороны его старой няни, которая знакомила его съ міромъ народной фантазіи и народной жизни. Понятно, что здѣсь рѣчь идетъ о народности въ самомъ простомъ значеніи этого слова, въ значеніи отнюдь не въ смыслѣ, напримѣръ, романтическаго ученія. Но и въ ограниченномъ смыслѣ историки видятъ здѣсь одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ при новой жизни, какъ будто бы оторвавшей русскихъ людей отъ старины, послѣдняя продолжала все-таки жить и незамѣтными иногда путями проникать и въ среду новыхъ образованныхъ классовъ. Здѣсь рѣчь идетъ о самомъ реальномъ фактѣ, объ устной передачѣ русскому юношеству народно-литературнаго матеріала, идущаго съ глубокой древности. Передача такого матеріала, несомнѣнно, западала въ душу дитяти, и, если со временемъ обстоятельства оказывались благопріятными, впечатлѣнія дѣтства получали другой смыслъ, будучи освѣщены новыми теченіями. Очень многіе изъ сверстниковъ Пушкина имѣли по такому источнику народной поэзіи, но мы останавливаемся только на данномъ примѣрѣ именно потому, что дѣло касается Пушкина. Когда въ его время былъ поставленъ вопросъ о народности въ литературѣ, частью подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской дѣйствительности, частью по требованію новой литературной школы—романтической, тогда все то, что способствовало проясненію этого вопроса и укрѣпленію его положительнаго рѣшенія и что при другихъ обстоятельствахъ проходило бы совсѣмъ незамѣтно, теперь получило особенное значеніе. При сочетаніи такихъ условій и такой незначительный самъ по себѣ фактъ, какъ сказки старой няни дитяти Пушкину, получаетъ въ исторіи литературы важное значеніе. Этотъ фактъ можетъ служить аналогіей при рѣшеніи и разбираемаго нами теперь вопроса. Вопросъ этотъ сведется къ тому, сохранялось ли знакомство съ древней литературой и, притомъ, мисти-

ческо-аскетическаго содержанія и въ XVIII вѣкѣ, и можемъ ли мы говорить о непрерывавшейся традиціи мистико-нравоучительнаго направленія? Сводя на реальную почву, мы поставимъ вопросъ такъ: были ли люди XVIII вѣка, воспитывавшіеся уже въ идеяхъ западно-европейскаго просвѣщенія, знакомы съ той литературой, которая была въ до-петровскій періодъ, и въ частности—съ литературой мистическо-созерцательной? Вопросъ этотъ—обширный и касается вообще непрерывности русской литературы. Теперь мнѣ пока нѣтъ возможности останавливаться на немъ, такъ какъ такая остановка завлекла бы далеко, и нѣтъ отчасти и нужды. Теперь можно сдѣлать лишь общую постановку вопроса. Я напомню, что изслѣдователи русской литературы старались указать, что люди XVIII вѣка, при всемъ своемъ увлеченіи западной культурой, въ своемъ домашнемъ быту придерживались въ достаточной степени еще старыхъ прадѣдовскихъ обычаевъ, окружали себя сказочниками, пѣсельниками, и чрезъ это общеніе народный элементъ, хотя и въ прикрашенной формѣ сообразно съ требованіями того времени, проникалъ и въ изящную литературу. Параллельно этому, и при изслѣдованіи нашего вопроса мы должны встать на тотъ же путь сохраненія традиціи и спросить, насколько изученнаго матеріала достаточно для рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. Я обращу вниманіе напр. на слѣдующее обстоятельство. Недавно ученый изслѣдователь русской литературы, г. Сиповскій, предлагая свою программу по русской литературѣ въ средней школѣ, говорилъ, между прочимъ, что при ея прохожденіи не слѣдуетъ пренебрегать исторіей псалтири. Онъ указываетъ на тотъ фактъ, что псалтирь не только была настольной книгой въ древній періодъ, но она служила источникомъ вдохновеній и для писателей новаго времени — Ломоносова, Державина и писателей XIX вѣка. Нельзя, поэтому, игнорировать то, что вдохновляло нашихъ писателей. Мы извлечемъ отсюда только то, что псалтирь, дѣйствительно, была знакома нашимъ писателямъ и XVIII и XIX вв. Мы выводимъ отсюда, далѣе, то заключеніе, что такой интересъ къ псалтири переходилъ по традиціи. Но, конечно, мы впали бы въ утрировку, если бы стали на основаніи этого утверждать, что въ воспитаніи русскихъ людей XVIII вѣка и первой половины XIX псалтирь играла существенную роль. Для насъ важна психологическая сторона вліянія этой книги, съ которой по традиціи продолжали еще съ дѣтскаго возраста знакомиться люди образованныхъ классовъ XVIII—XIX вѣковъ. Но теперь поставимъ вопросъ нѣсколько шире и къ псалтири привлечемъ и другую древ-

нюю литературу. Послѣднія изслѣдованія подтверждаютъ, что старая до-петровская литература не исчезала вплоть до XIX вѣка, и даже отъ его начала мы имѣемъ рукописные сборники, содержащіе памятники, которые были обычнымъ чтеніемъ до-петровской Руси. Объ XVIII вѣкѣ, конечно, и говорить нечего. Рукописи XVIII вѣка, содержащія памятники до-петровской литературы, часто содержатъ записи своихъ владѣльцевъ, и мы видимъ, что послѣдними являются не только люди простого сословія, но и люди средняго, въ родѣ офицеровъ и посадскихъ людей, а частью и того класса, который мы назвали бы классомъ образованнымъ по преимуществу. Мы можемъ, отсюда, заключать, что литература стараго времени въ разсматриваемый нами періодъ не исчезала. Правда, говоря о послѣдней литературѣ, мы должны имѣть въ виду, что это та литература, которая менѣе всего нужна намъ при разслѣдованіи нашего вопроса— литература повѣствовательная и историческая. Но мы въ данномъ случаѣ говоримъ пока не о самой литературѣ, не объ ея содержаніи, а только лишь о фактѣ ея сохранности. Отсюда мы беремъ лишь аналогію для сужденія о другихъ отдѣлахъ литературы. Наличность рукописной повѣствовательно-исторической литературы стараго времени въ XVIII вѣкѣ и, наоборотъ, малое распространеніе въ рукописяхъ другихъ отдѣловъ старой литературы объясняется, конечно, тогдашними условіями. Рукопись въ этотъ періодъ была уже вытѣснена печатной книгой, и если мы поставимъ вопросъ, что же именно печаталось, то увидимъ, что печати предаются, съ одной стороны, книги церковно-поучительнаго характера, съ другой—книги, назначаемыя уже для образованнаго класса, который не могъ интересоваться историческо-повѣствовательной литературой: на смѣну ей выступаетъ новый переводный нравоучительный романъ. Но средній классъ еще не отсталъ отъ старины, и потому, имѣя въ печати литературу церковно-поучительную, остальной литературой пробавлялся въ рукописномъ видѣ. Но по аналогіи съ указанными выше фактами мы можемъ заключать, что эта церковно-поучительная литература уже въ печатномъ видѣ имѣла мѣсто не только на столѣ простого человѣка, но и на столѣ вообще образованнаго. Противъ этого не будетъ говорить и историческая обстановка того времени.

Теперь мы становимся на путь психологической преемственности и на основаніи извѣстныхъ уже фактовъ говоримъ, что извѣстныя настроенія въ тотъ или другой періодъ какъ бы затихаютъ, становятся незамѣтными, но по прошествіи времени вновь воскресаютъ.

При своемъ воскресеніи они вызываютъ и ту литературу, которая когда-то существовала, вполнѣ сходясь съ даннымъ настроеніемъ, и которая теперь лишь видоизмѣняется. Случается даже, что при этомъ всплываетъ такая литература, которая сама по себѣ съ даннымъ настроеніемъ не имѣетъ ничего общаго, но она оказывается очень удобной для того, чтобы ею воспользоваться для передѣлки съ цѣлью проведенія черезъ нее именно этого настроенія. Такъ обстояло дѣло особенно въ древній періодъ литературы, такъ обстоитъ дѣло часто и теперь. Если мы станемъ на эту точку зрѣнія, засвидѣтельствованную для различныхъ эпохъ документально, то намъ станетъ до нѣкоторой степени понятной и преемственность разсматриваемой литературы, и вспышки какъ узко-мистическаго настроенія такъ и вообще нравоучительнаго направленія людей второй половины XVIII в. Исторія литературы постоянно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что извѣстныя идеи, появившись въ тотъ или другой моментъ, не исчезаютъ совершенно, но на время притихаютъ. Моменты замиранія не всегда могутъ дать явные слѣды еще горящаго огонька, но что этотъ огонекъ постоянно поддерживается, это должно признать несомнѣннымъ. На этомъ фактѣ основана напр. теорія эволюціи литературныхъ типовъ. Изъ нашей области мы можемъ указать на тотъ, напримѣръ, фактъ, что наше „славянофильство“ можетъ быть прослѣжено вплоть до XV вѣка, и на этомъ пути мы встрѣтимъ такіе періоды, гдѣ на первый взглядъ мы не найдемъ признаковъ этого ученія, но зато будутъ другіе періоды, гдѣ эта связь обнаруживается несомнѣнно, и мы должны будемъ признать, что психическая организація людей такихъ періодовъ въ данномъ случаѣ одинакова. Такъ обстояло дѣло и въ данномъ случаѣ. Мы имѣемъ, прежде всего, дѣло съ одинаковымъ направленіемъ въ два періода, раздѣленные между собой болѣе чѣмъ двумя вѣками. Въ то же время мы видимъ, что въ промежутокъ между этими періодами старая традиція продолжала существовать, въ однихъ классахъ болѣе, въ другихъ менѣе, въ однихъ—скорѣе количественно, какъ въ средѣ простыхъ классовъ, въ другихъ—скорѣе качественно, какъ въ средѣ классовъ людей образованныхъ. Традиція эта передавалась отъ одного поколѣнія къ другому, а пути для ея передачи могли быть различны. Болѣе всего въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ путь дѣтскаго воспитанія, когда знакомство съ старой литературой могло оставлять въ душѣ дитяти впечатлѣнія, оставшіяся для него неясными, но, тѣмъ не менѣе, постоянныя и прочныя.

Несомнѣнно, такъ обстояло дѣло и съ нашимъ разсматриваемымъ

направленіемъ къ личному усовершенствованію. Мы видѣли, что во второй періодъ интенсивнаго проявленія этого направленія оно связывается съ болѣе широкимъ направленіемъ, которое выражается въ господствѣ нравоучительной литературы. Мы также видѣли, что и это послѣднее господство не можетъ объясняться только лишь исторически: историческая сторона въ данномъ случаѣ не будетъ походить на ту, которая обрисовывается при изученіи такого же господства на западѣ. У насъ же нравоучительное направленіе получило преобладаніе точно также въ силу традиціи. Разсматриваемое съ психологической стороны, оно также будетъ „настроеніемъ", но настроеніемъ такимъ, которое не явится намъ чѣмъ-то новымъ. Нравоученіе яркой чертой проходитъ и черезъ весь древній періодъ литературы, нисколько не мѣшая проявленію самыхъ разнообразныхъ общественно-литературныхъ направленій, подобно тому, какъ и въ періодъ второй половины XVIII вѣка то же нравоученіе нисколько не препятствовало проявленію разнообразныхъ общественныхъ и литературныхъ теченій. Если бы мы пожелали остановиться на такомъ широкомъ признакѣ, какъ нравоученіе, то намъ очень легко было бы прослѣдить это теченіе съ древнѣйшихъ временъ, и я уже говорилъ, что попытка проф. Перетца въ склонности къ учительству писателей древняго и новаго времени усмотрѣть одно изъ основныхъ свойствъ русской литературы имѣетъ за собой большую долю основанія и указывалъ лишь, что это свойство надо разсматривать, какъ сторону формальную. Но, во всякомъ случаѣ, нравоученіе по традиціи проходитъ черезъ нашу литературу, и исторія литературы отмѣчаетъ тѣ моменты, когда мы можемъ говорить о преобладаніи этого направленія, т. е. тѣ моменты, когда мы имѣемъ дѣло съ такими поколѣніями, которыя по своему душевному укладу въ данномъ отношеніи отличались отъ своихъ предшественниковъ. На этомъ фонѣ мы и видимъ въ извѣстные періоды преобладаніе той черты, которая теперь уже дедуктивно должна быть признана ведущей свое происхожденіе отъ отдаленной древности. Эта черта и выяснится, когда мы поставимъ вопросъ: кто долженъ служить главнымъ объектомъ нравоученія—„я" или мнѣ посторонніе люди, и отвѣтъ будетъ склоняться въ пользу перваго. Надо, прежде всего, усовершенствовать самого себя. Это общее требованіе влечетъ за собой другое — требованіе самоуглубленія и самоанализа. Въ извѣстные моменты это требованіе принимаетъ характеръ мистицизма. Такъ изъ историческихъ и психологическихъ элементовъ слагается разсматриваемое нами настроеніе.

Останавливаясь на вопросѣ о связи настроенія XVIII вѣка съ настроеніемъ древняго періода, мы могли бы привести для аналогіи не мало примѣровъ такого перехода стараго въ новое изъ области литературы второй половины XIX вѣка, если бы такіе примѣры были необходимы. Но съ точки зрѣнія принципа въ этомъ нѣтъ нужды, а съ точки зрѣнія реальной обстановки примѣры изъ новой литературы дадутъ намъ немного. Когда мы говоримъ, напримѣръ, что первыя повѣсти Достоевскаго навѣяны повѣстями Гоголя, то реальная обстановка не возбудитъ тутъ никакого сомнѣнія: всѣмъ ясно, что молодой Достоевскій читалъ Гоголя. Иное дѣло, когда идетъ рѣчь о поколѣніяхъ, раздѣленныхъ двумя столѣтіями и владѣвшихъ совершенно различнымъ литературнымъ матеріаломъ. Здѣсь мы должны представлять дѣло нѣсколько иначе т. е. должны представлять такое состояніе душевной организаціи, когда изслѣдуемое настроеніе находилось въ состояніи возможности. Возникнувъ на общей почвѣ христіанскаго ученія, воспринятаго благодаря естественнымъ и историческимъ условіямъ, наклонность къ личному совершенствованію въ извѣстный періодъ проявилась интенсивно. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда другіе интересы отодвинули на второй планъ общеморальную сторону. Но она не исчезла и передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію, подобно тому какъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію сказка или пѣсня. Она не выступала наружу, какъ настроеніе общее, хотя, можетъ быть, мы и нашли бы нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ ея проявленія. Новыя поколѣнія, прежде чѣмъ выступить въ жизнь съ новыми требованіями, воспринимали и остатки старины, которые становились, можетъ быть, все меньше и меньше. Люди не могли уже жить ими, новая жизнь приносила новыя вліянія и возбуждала новые интересы. Но изгладиться совершенно старыя настроенія не могли, подобно тому какъ не могутъ обыкновенно изгладиться впечатлѣнія дѣтства. И новыя поколѣнія, сами того не замѣчая, носили въ себѣ отзвуки старыхъ идей до той поры, когда новыя условія вызывали послѣднія въ новой жизни. Это походило, напримѣръ, на то, какъ въ концѣ XVII вѣка вновь вспыхнула въ извѣстныхъ кругахъ теорія третьяго Рима, возникшая исторически и психологически въ XV вѣкѣ, въ XVII же вѣкѣ являвшаяся по преимуществу фактомъ психологическимъ.

Такъ поколѣнія, начиная съ XV вѣка, дожили и до XVIII, когда наступили такія вѣянія, которыя оказались благопріятными для возрожденія стараго настроенія. Тутъ сказалось и ученіе Локка о подчи-

ненiи душевной жизни внѣшнему воздѣйствiю, и возникшее отсюда стремленiе къ благонравiю, и нравоучительная литература, обращающая вниманiе человѣка на его внутреннюю жизнь, и преобладанiе отсюда жизни чувствомъ, и мистическое настроенiе. Все это, взятое вмѣстѣ, образовывало такую атмосферу, гдѣ мысль объ улучшенiи самого себя, о постоянномъ наблюденiи за собой должна была получить преобладающее значенiе: должно, прежде всего, усовершенствовать себя, а потомъ уже начинать учить другихъ. Къ такому же заключенiю придутъ впослѣдствiи Гоголь, Достоевскiй, Толстой и частью люди 80-хъ годовъ. И тутъ мы замѣтимъ нѣкоторую аналогiю. И Гоголь, и Достоевскiй, и Толстой, и люди 80-хъ годовъ сначала учили другихъ и затѣмъ обратились къ ученiю о личномъ усовершенствованiи; такъ и поколѣнiя, предшествовавшiя поколѣнiямъ второй половины XVIII вѣка, т. е., напримѣръ, люди петровскаго времени преслѣдовали исключительно практическiя цѣли. Не даромъ въ перiодъ господства ученiя о благонравiи и стремленiя къ личному совершенствованiю говорили, что „Петръ далъ намъ бытiе, Екатерина—душу“. Когда, слѣдовательно, у насъ проявилась новая струя западно-европейскаго влiянiя въ видѣ указанныхъ мною факторовъ, то почва для ихъ воспрiятiя была далеко имъ не чуждая. Душевная организацiя уже настраивалась такъ, что воспринимаемое новое ученiе являлось какъ бы продолженiемъ стараго. Подготовленность почвы и состояла, собственно, во-первыхъ, въ томъ, что старое настроенiе не было вытѣснено изъ душевной жизни поколѣнiй, а, во-вторыхъ, въ томъ, что русская жизнь XVII и первой половины XVIII вв. была жизнью по преимуществу практической, и потому сама по себѣ должна была накоплять элементы реакцiи. Но въ какую сторону? Ясно, что—въ сторону духовной жизни, т. е. ясно, что должна была постепенно развиваться сила центростремительная. И вотъ, когда въ половинѣ XVIII вѣка встрѣтились, съ одной стороны, факторы историческiе, въ видѣ хотя нѣсколькихъ, но однородныхъ, влiянiй, съ другой—факторы психологическiе, въ видѣ недовольства практическимъ направленiемъ жизни и непрекращавшейся традицiи стремленiя къ сосредоточенiю вниманiя на своей внутренней жизни,—тогда и образовалась такая атмосфера, когда цѣлыя поколѣнiя явились передъ нами какъ бы уже съ готовой душевной организацiей. Въ ихъ жизни первое мѣсто заняло именно это наблюденiе надъ своей внутренней жизнью и, какъ результатъ, стремленiе къ личному нравственному совершенствованiю. Но въ отличiе отъ стараго времени оно соединяется у слѣдующихъ

поколѣній съ элементомъ чувствительности. И оба эти элемента проходятъ яркой чертой черезъ рядъ поколѣній. Элементъ чувствительности исчезъ раньше и, какъ пережившій свою эпоху, уцѣлѣлъ въ одномъ лишь Жуковскомъ, въ жизни которого эти два элемента— личное совершенствованіе и чувствительность — проведены послѣдовательно: то же личное совершенствованіе, но уже безъ примѣси чувствительности, дожило до Гоголя, когда начался уже новый періодъ литературы и когда ученіе о личномъ совершенствованіи стало принимать новые оттѣнки, сообразно новымъ обстоятельствамъ. Теперь борьба двухъ направленій—преобладаніе личности и общественности— становится уже ясной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, становится ясной и связь въ этомъ отношеніи второй половины XIX вѣка со второй половиной XVIII. Если, такимъ образомъ, мы связали послѣднюю эпоху съ древнѣйшимъ временемъ и если, далѣе, вторую половину XIX в. свяжемъ съ эпохой XVIII—XIX вв., что, повторяемъ, сдѣлать уже не трудно, то въ результатѣ получается у насъ связь современной литературы съ древнѣйшей. Эта связь основывается, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ на психологической почвѣ. Исторія литературы соприкоснулась здѣсь съ психологіей и, съ своей стороны, помогла намъ послѣдовательно прослѣдить одно изъ господствующихъ направленій русской литературы— стремленіе къ личному нравственному совершенствованію. Остается для затронутаго періода т. е. для конца XVIII и начала XIX вв. разсмотрѣть лишь историческое проявленіе этого настроенія.